

Юзеф Игнацы Крашевский

С ПРЕСТОЛА В МОНАСТЫРЬ

ЧАСТЬ I

I

Был знойный летний вечер, солнце садилось за лес. Все живое, укрывшись в тени и кустах, ждало, когда повеет вечерний ветерок, упадет на землю живительная роса и жгучие лучи солнца перестанут палить. Все молчало кругом, стада укрылись в кустарниках, люди — в лесах; изредка в воздухе, дышавшем огнем, пролетала птица. Ночь должна была принести с собою прохладу и отдых после дня, который опалил растения и высосал из земли влагу, оставшуюся после недавней грозы.

Но и вечером жара не спадала, не видно было ни одной тучки на небе, раскаленное и бесцветное, оно предвещало засуху. Кровавый, пурпурный закат, странный и страшный, медленно сливался с черной полосой далеких туч.

В воздухе носились мириады насекомых, поднимаясь высоко, кружась и вертясь, как будто невидимое дуновение ветра то уносило их вверх, то в сторону, то придавливало к земле. Тучей носились крылатые мушки то над лугами, то над

полями, играя и резвясь в жгучих испарениях земли...

На полях было пустынно и тихо...

Высохшие речки, глубоко укрывшись в своих руслах, далеко убегали от жары, высасывавшей их влагу. Не проникавший сюда ветер поднимал на песчаных полях тучи пыли и уносил их куда-то высоко.

В Красногоре над Вартой, в усадьбе Любоня было так же пустынно, как везде в тот день, люди куда-то попрятались от зноя.

По старому обычаю все было открыто: дом, сад, ворота — никто их не караулил, так как здесь никого не боялись. Старый дом стоял на холме над рекой, окруженный с одной стороны высоким лесом, а с другой прилегал к полям и лугам. Как все постройки того времени, дом был деревянный, но обширный, воздвигнутый из больших бревен. Высокая крыша с трубами, закоптелая и черная, возвышалась над ним. Дом был опоясан галереей из резных колонн. Двор был большой и чистый, постройки кругом простые, но новые и опрятные. По величине дома можно было судить о зажиточности его обитателей, а по устройству конюшен, сараев, количеству скота — о домовитости, и по порядку кругом дома — о трудолюбию хозяев.

Приближалось время возвращения людей и

скота домой; хотя зной не спадал, но солнце, грозно смотревшее своим кровавым глазом, уже менее жгло. Однако около дома царили еще спокойствие и тишина.

В тени со стороны леса, на прохладной земле, вытянувшись, как мертвые, лежали сторожевые собаки. Дом был не заперт... Сквозь открытые окна и двери врывался все еще накаленный воздух. В горнице потух очаг и покрылся сверху пеплом. Все в доме было раскрыто настежь, и никого нигде не было видно... Во дворе несколько куриц копошились, поклевывая просыпанное зерно.

Можно было обойти весь дом, не встретив никого. Только со стороны леса, на большом камне, под соломенным навесом сидела очень старая женщина, сгорбленная, с седыми волосами, выглядывавшими из-под платка, — сидела и как бы в полудремоте прядла.

Ее загорелое лицо со сморщенной и потрескавшейся кожей, желтой и пергаментной, покрыто было на щеках и подбородке волосами; глубоко впалых глаз почти не видно было из-под нависших век и густо заросших бровей. Перед нею стояла прялка; она медленно вытягивала нить; погруженная в размышления, она прядла, не останавливаясь. Иногда она подносила пальцы к губам для того, чтобы смочить их, потом опять вытягивала нить, тонкую, ровную, гладкую, хотя ее

слабые пальцы словно отказывались уже работать. Иногда она вдруг останавливалась, как будто не хватало сил, но, опомнившись, снова принималась за работу.

Старуха была одета бедно: полотняное платье и липовые лапти на ногах, шерстяной темный передник и никакого украшения ни на шее, ни на платье. Женщина эта, видно, много лет прожила на свете, но держалась еще крепко, и по тому, как она прислушивалась к малейшему шороху, видно было, что слух у нее еще тонок. Царившую кругом тишину неожиданно нарушила лежавшая вблизи старухи собака. Поднимая голову и поглядывая по сторонам, она заворчала, как бы давая этим сигнал. Немедленно присоединились к ней и остальные собаки, но не заметив ничего подозрительного, остановились в нерешительности, затем опять легли, однако держали себя настороже, прислушиваясь к малейшему шороху. Старуха перевела на них глаза от прялки, как бы спрашивая о причине их беспокойства. Первая собака все еще не успокаивалась, но уже была не уверена в себе.

И долго ничего не было слышно...

Красное солнце закатилось за лес; начало смеркаться. На севере показалась первая звезда, а на западе серебристый серп луны.

Вдали послышался как будто конский топот.

Старуха встала, убрала прялку, медленно

направилась к дому и по стариковской привычке что-то ворчала про себя.

Только теперь начала пробуждаться жизнь. Воздух был наполнен разными звуками, рогатый скот и овцы возвращались с полей, все ближе слышалось шелканье пастушечьих кнутов, мычание коров и ржание лошадей.

Старуха остановилась у забора, вглядываясь вдаль, она кивала головой, подобно хозяйкам, делающим выговор нерадивым слугам.

Вдруг совсем близко слышались ей песни и хохот; лицо старушки оживилось, она подняла голову и посмотрела по направлению к дому. Голоса были молодые и веселые... Старушка невольно улыбнулась и беспокойно стала всматриваться, ожидая прихода девушек.

Собаки, тихо лежавшие, визжа и подпрыгивая, повскакали, как бы радуясь после продолжительной тишины человеческим голосам.

Из лесу показалась толпа девушек, одетых в белые платья. Впереди шла самая красивая, высокая, стройная девушка со смеющимися глазами, с темными волосами, заплетенными в косы, с весело поднятой головой, на которой кроме веночка, была еще вязанка свежих лесных цветов, ниспадавших ей на плечи. В белой рубашке и передничке, с ниткою янтаря и разноцветных камешков на шее, опоясанная красным кушаком,

концы которого ниспадали сбоку, она шла, как лесная царевна, царя над теми, кто следовал за ней и смотрел ей в глаза. В слегка приподнятом подоле она несла ворох собранного зелья и всяких лесных трав.

Девушки, которые следовали за ней и несли на спинах и в руках корзинки, были украшены, как и она, цветами, а лица их всех дышали молодостью и весельем.

Направляясь к дому, они пели, но последняя строфа песенки оборвалась с хохотом, так как собаки, ласкаясь, бросились к ним.

С противоположной стороны с шумом и блеянием старалось протиснуться в ворота стадо овец и коз. Недавняя тишина сменилась оживленным шумом. Старушка смотрела на девушку с улыбкой, а та спешила к ней, приветствуя ее увенчанной головкой.

— Ох, посчастливилось нам в лесу, посчастливилось! — воскликнула она. — Весь день пробыли, собирая грибы и ягоды в прохладе. Всего много... хоть пригоршнями бери... Засуха в тени ничего не испортила... Птички для нас пели, а мы для них... И денек, бабуся, промчался, как молния.

— А я еле допряла, — надтреснутым голосом, вырывавшимся из пересохшей гортани, ответила старуха.

— А отец где? — спросила девушка. — Отца

нет?

— Отец к князю поехал, но к ночи вернется из Познани... Недалекий путь, а ночевать там ему нечего... скоро вернется...

Разговаривая и болтая, шли они домой; девушки с корзинками между тем, смеясь и шая, бегом направляясь к воротам, старались опередить друг друга. С другой стороны со двора шли им навстречу парубки, вернувшиеся с полей, но, увидев группу девушек, побежали и скрылись в доме, и только молодые голоса доносились оттуда.

Девушка медленно вела старуху, ласкаясь к ней, а та гладила ее сморщенной рукой по голове.

У колодца посередине двора было большое оживление, черпали ведрами холодную, чистую воду, наслаждаясь ею.

Между тем скот сам направился в открытые сараи, а пастухи и батраки, стоя около корыт, громко и весело хохотали, как это бывает в отсутствии хозяина.

Но на дороге послышался конский топот, и весь этот шум сейчас же стих, только собаки побежали к воротам.

Издали в поле виден был приближающийся к дому довольно пышный кортеж, состоящий из людей, ехавших верхом и вооруженных. Впереди на хорошей лошади сидел, подбоченясь, статный, видной осанки немолодой мужчина с военной

выправкой, в коротком плаще или, вернее, кафтане, вследствие зноя снятом с рук и только наброшенном на плечи. Меч висел у пояса и нож в ножнах, а на седле позади всадника висел украшенный медными гвоздями, искусной выделки молот, заключенный в кожаный мешок. Вслед за ним ехали несколько молодых людей, одинаково одетых и вооруженных; у всех был вид идущих на войну или же возвращавшихся с боя.

Легко можно было понять, что они ехали домой и чужими себя здесь не чувствовали; кони их беспокойно ржали, а сами всадники смотрели по направлению к дому. Однако лицо ехавшего впереди не прояснилось, сохраняя серьезный и задумчивый вид.

Вернувшиеся с поля рабочие, заметив приближающихся, побежали к воротам встречать. В дверях под колоннами стояла та же прекрасная девушка, одетая, как раньше, и улыбалась, а старуха, положившая одну руку на ее плечо, другой все еще придерживала прялку и не отходила от нее.

Ехавший уже издали приветствовал женщин, а они его. Это были его мать и дочь, жены у него уже давно не было.

Хозяин, соскочив у порога, отдал лошадь конюху и, приветствуя мать, а также поглаживая по головке свою дочь, в чем был, вошел в горницу. Обе последовали за ним. И пока он садился за стол,

снимая шапку и потирая лоб, старуха принесла полный кувшин питья.

— Пей, сын мой, — сказала она, — в жару это незаменимо, березовый квас лучше всего утоляет жажду... Солнце будто гневалось на нас, жгло весь день немилосердно.

И, посматривая ему в глаза, старуха и молодая, как будто желали угадать его мысли. А он все сидел угрюмый. Мать не посмела допытываться, но девушка была посмелее.

— Как будто не в духе вернулись вы от князя Мешка? — проговорила она. — Не случилось ли чего-нибудь нехорошего?

— А что же могло случиться? — ответил Любонь. — Ничего не случилось... Мешко хочет войны и тоскует, когда ее нет. Дома ему скучно.

Любонь, вздохнув, посмотрел на дочь, которая, сама не зная почему, покраснела под отцовским взглядом. Венок показался ей вдруг тяжелым, она сняла его с головы и вышла в соседнюю комнату. Только после ее ухода старуха приблизилась к сыну и испытующе посмотрела ему в глаза.

— Черт знает! — проворчал он тихо. — Все ему наша девушка мерещится... Есть у него шесть жен, а без седьмой жить не может... Пусть ищет, а я своей ему не отдам... Это он напрасно...

И ударил по столу кулаком. Старуха

всплеснула руками.

— Еще бы! — воскликнула она. — Единственную зеницу ока отдать князю поиграть... К чему ей это!.. Не найти ей счастья там, где их столько... Поскорее бы девушку выдать замуж, тогда у него пройдет охота...

— Да, мать дорогая, — прибавил Любонь. — Если бы у меня их было две или три, да к тому хоть два сына, тогда легко было бы девушку пристроить, но она у меня и за дочь, и за сына, и тот, кто ее получит, будет моим наследником и дитятей. Любонь не оставит своей вотчины недостойному... Ох, сына, сына мне как жалко! — вздохнул он, потрясая головой.

— Не убивайся, — проговорила старуха, вытирая рукавом слезы, — оплакали мы его... и похоронили...

— Ах, если бы я его видел мертвым и на костре, — говорил Любонь, — сердцу не было бы так больно, а как подумаю, что где-то далеко, с остриженной головою, невольник, немцам дрова колет и воду таскает...

Они замолчали, у обоих из глаз потекли слезы, и слова застыли на устах.

— Проклят день и час, когда, уступая настойчивым просьбам, я взял в поход слабого ребенка!.. Захотелось ему преждевременно изведать боевой жизни. Если бы его пронзила стрела... но на

глазах у меня немцы его похитили. Все еще слышу его призыв, вижу простертые ко мне руки... а я, раненый, защищаясь один против многих, не мог прийти ему на помощь... И он исчез с моих глаз навсегда...

Любонь ударил по столу рукой и облокотился на нее, а старуха, поглаживая сына по голове, плакала.

Не в первый раз, а может быть, в сотый оплакивали они потерянное дитя, хотя много лет прошло уже с тех пор, и ничего о нем не было слышно. С каждым годом возрастала злоба отца, и всякий раз, когда князь Мешко шел на немцев, Любонь просился в поход, желая упиться кровью тех, кто похитил его собственную кровь.

Посылал он к немцам за Одру и Лабу (Одер и Эльбу), предлагая выкуп за единственного сына, но всякая надежда была потеряна, никаких вестей не приходило. С тех пор прошло уже много лет.

Молча отошла старуха от сына, так как пора было подумать об ужине, и хотя девушки занялись его приготовлением, но старая хозяйка сама хотела присмотреть за тем, что и как делается. Любонь, опираясь рукой о стол, остался со своим горем один.

Вдруг у ворот залаяли собаки, и один из батраков вышел на порог.

— Что там с собаками? — спросил хозяин.

— Проезжий у ворот на лошади просит приюта, — ответил батрак.

— Кто это такой?

— Какой-то незнакомец...

— Со сколькими лошадьми?

— Едет один.

— Откуда он сказывается?

— С чешской границы.

— Приведите его, — сказал Любонь, вставая, — неужели гнать его от ворот...

И, высунувшись в открытое окно, посмотрел.

Проезжий, скромно одетый, в это время слезал с усталой лошади. Это был молодой человек с бледным лицом, застенчивый и как бы испуганный, оружия при нем не было никакого. По одежде, которая ничем не отличалась, трудно было сделать о нем вывод. Платье было темное, иностранного покроя, волосы коротко подстрижены, шапка легкая, без пера.

Облик у него был очень скромный, но всматриваясь в его лицо, видно было, что в нем таилась сильная душа. Глаза смотрели умно, на молодом челе отражались думы, а когда он стал приближаться, можно было заметить в нем какое-то серьезное и непонятное спокойствие, хотя он был здесь чужим и не знал, как его примут.

Переступив порог и заметив против себя Любоня, он как будто онемел.

— Счастье и благословение дому вашему, мой господин. Я проезжий... еду к князю... в Познань, по ту сторону, ночь настигла... Прошу дать мне приют.

Он говорил робко и заикаясь, поглядывая все время на старика.

Любонь тоже присматривался к нему, не зная, с кем имеет дело, так как на воина он не был похож и изъяснялся хотя на местном языке, но все же искаженном.

— Охотно принимаю вас, — сказал хозяин, — присядьте и отдохните.

Хозяин указал ему на скамью, но молодой гость стоял на пороге, затем медленно подошел к окну и там скромно занял место.

— Откуда вы, и что вас заставило к нам ехать? — спросил хозяин, подавая хлеб в знак гостеприимства.

— Издалека пришел, отец мой, — медленным и тихим голосом ответил проезжий, с любопытством оглядываясь кругом, — был за горами, за дальними реками, долго странствовал... и, хотя говор мой стал нечистый, я все же родом отсюда.

— Здешний? — спросил Любонь. — Откуда? Проезжий смотрел на него и колебался.

— Я родом из-под Познани, — проговорил он дрожащим голосом, — но долгие годы здесь не

бывал...

Он остановился...

Станным это показалось Любоню; услышав это, он встал со скамьи, на которой сидел, и, приблизившись к гостю, стал внимательно рассматривать его...

Проезжий сидел в темном углу. Любонь приотворил полузакрытые ставни, но светлее не стало, так как уже смеркалось. Крикнул, чтобы подали лучину.

— Чем объяснить, что вы здесь так долго не были, а странствовали по чужим землям? — спросил он.

— Долго пришлось бы об этом говорить, — колеблясь, начал гость. — Когда я был еще ребенком, меня похитили у отца на войне.

Едва успел он это проговорить, как хозяин подскочил к нему, обхватил его обеими руками и громовым голосом, который встревожил весь дом, воскликнул:

— Власт, это ты, Власт!

Гость бросился на колени и, обнимая ноги отца, плакал...

Когда девушка вошла со светом и увидела происшедшее, она бросила лучину и убежала, хотя сама не поняла, что, собственно, ее испугало.

В это мгновение на крик Любоня вбежала старая мать и дочь, обе дрожащие и взволнованные.

Увидев незнакомца, обнимающего Любоня, они остолбенели.

— Власт! — воскликнула старуха и подбежала к нему.

Как описать встречу того, кого они не видели двенадцать лет, и радость осиротелого очага, к которому неожиданно явилось давно потерянное и оплаканное дитя!..

Старый Любонь ликовал... Старушка вся дрожала, а сестра застенчиво, но с любопытством присматривалась к этому молодому мужчине, который был ее братом.

Они усадили его на скамью и старались его напоить и освежить, ибо от волнения он лишился сил.

Он был слаб и бледен и как будто измучен долгою неволей. А тут сыпались вопросы о том, как ему жилось, как прошли эти годы. Особенно интересовался отец, но ответы сына были неясные, неопределенные, запутанные. Успокоившись немного и собравшись с мыслями, он начал рассказывать о том, как его взяли в плен и как немец заставил его исполнять самую тяжелую работу, затем, убедившись в его слабости, он отдал его в услужение какому-то господину.

Со своим новым господином Власт, которого стали звать Матвей, попал ко двору немецкого царя... Потом он перешел к другим людям,

посвятившим себя служению Богу... А эти забрали его в Другую страну, где зимы никогда не бывает и где находится самый великий город, господствующий над всеми странами Запада. Там служил он у многих господ, и жизнь его протекала в общем спокойно. Впрочем, он никогда не жаловался на тяготы своей жизни, но постоянно тосковал по семье и родине.

Рассказывал это Власт своему отцу и окружавшим его с каким-то страхом. Многого не договаривал — он заметил, как у отца сдвигаются брови. И старик узнал только одно: что сын его разучился сражаться, почти забыл свой язык и стал для своих чужим.

С грустью рассказывал Власт, но еще грустнее слушал отец, и хотя он радовался возвращению сына, но ясно видел, что многое придется ему изменить в нем, чтобы они снова могли понимать друг друга.

Когда сын кончил свой смутный и грустный рассказ, и все замолчали, Любонь обнял его и, еще раз поцеловав, сказал:

— Словом, ты теперь дома, остальное вспомнишь, когда поживешь с нами. Возьмешься опять за оружие и войдешь во вкус прежней жизни, а я тебя больше от себя не отпущу. И кровь снова в тебе заговорит!

Власт ничего не ответил и, покорно склонив

голову, молчал.

Между тем ему со всех сторон задавали вопросы о том, какие люди в других странах, какие города, селения, как воюют и каково могущество иностранцев.

Власт понемногу рассказывал, но на вопросы отвечал неохотно; видно было, что он привык и даже полюбил тех, среди которых прожил много лет: он не только не хулил их обычаи, новую религию, но даже то, что считалось здесь позорным, он расхваливал, а могущество иностранных королей и князей представлял страшным и великим.

Многое в рассказе Власта не нравилось старику, но он его не перебивал, и, в общем, вечер для Любоня прошел весело, хотя Любонь считал сына почти чужим и часто не понимал его.

Власт ничего не возражал и, покорно опустив голову, терпеливо слушал возражения отца.

Когда поздно ночью старуха пришла сказать, что постель для внука приготовлена в сарае, куда должен был отвести его Ярмеж, тогда только все разошлись, и сестра проводила Власта до порога.

Любонь, оставшись один, задумался. В нем боролись два чувства: радости и какого-то необъяснимого страха... И не мужские слезы показались у него на глазах... Да, это был Власт, его единственный сын, но не такой, каким бы он

желал его видеть. Он радовался возвращению сына, но, как воин, он страдал, что не нашел в нем рыцарского духа.

Каждый землевладелец был тогда и воином, а того, кто не умел им быть, почти не считали мужчиною и человеком. И он проклинал людей, которые возвратили ему какое-то слабое дитя, калеку... Больше храбрости и мужества проявляла прекрасная девушка, его сестра.

Любонь не спал всю ночь, а когда стало светать, он, усталый, вышел на свежий воздух. Тут он увидел своего любимца Ярмежа, которого считал почти за сына.

Ярмеж направился к нему.

Встретившись у ворот, старик положил ему руку на плечо и спросил:

— Ну, что Власт?

Ярмеж молчал.

— Да, бабу из него сделали немцы, не похож он на мое дитя, — с тоскою сказал старик.

Воин и на этот раз не ответил.

— Что же он вчера делал? Рассказывал?

— Мало, — ответил Ярмеж. — Только обнял меня, а затем пошел спать. Я стал наблюдать и, хотя в сарае было темно, я много странного увидел: не знаю, право, но он как будто колдовством занимался. Сперва он опустился на колени, сложил руки, дотрагивался ими до плеч и лба, бил себя в

грудь, головою ударял о землю и — мне даже страшно стало, — что-то бормотал про себя, не то стонал, не то плакал, как будто жаловался кому-то и просил. Продолжалось все это долго, долго... Наконец, опять стал дотрагиваться до лба и плеч и лег в постель.

Любонь, задумавшись, слушал Ярмежа, рассказывавшего ему все это полусшепотом и с каким-то страхом; наконец, дотронувшись до руки своего сотника, он тихо проговорил:

— Молчи об этом... Суеверие немецкое... но мы выбьем это из его головы. Пусть об этом, кроме нас двоих, никто не знает дома, понимаешь?

Ярмеж поклонился.

— Будет по-вашему, — ответил он, — а все же скверно.

— Да, — скверно, — сказал Любонь, — но я предпочитаю об этом не знать; так легче и лучше для меня. А он пусть отдохнет и придет в себя после долгой неволи. Только одного его не оставляйте... Весельем и улыбками согрейте его душу... Молод он, ведите его туда, где молодежь веселится. Приготовьте ему оружие, коня и устройте для него военные игры... А я тоже зевать не буду, хотя старому труднее сойтись с молодым, вам легче. Впрочем, я на тебя полагаюсь, Ярмеж!

Сотник поклонился и вздохнул, видно было, что он не очень был уверен в себе.

Любонь несколько раз прошелся по двору... Под колонками стояла его мать, ничего не замечая, стояла с устремленным вдаль взором и грустная.

Когда Любонь подошел к ней, она нагнулась к нему и сказала угрюмо:

— Не наш он, не наш! Знаю я, что с ним, знаю... В свою веру обратили его немцы, по глазам видно...

Любонь закрыл уши руками.

— Слышать и знать не хочу... И топнул ногой...

— Нет, нет, — вскричал он, насупив брови.

Старуха опустила голову на грудь, скрестила руки и, опираясь о стену, стояла молча, как окаменелая, неподвижная, безжизненная статуя...

II

Радость и грусть вошли в дом вместе с Властом; отец радовался ему и досадовал на его изнеженность. Поэтому Власт не смел открыто высказывать свои мысли, они шли вразрез с убеждениями всей его семьи: словом, он стал чужим.

Иногда в его сердце всплывало что-то прошлое, свое; лицо его загоралось, но вдруг им овладевал какой-то страх, и он удерживал в себе этот порыв.

Любонь все о чем-то беспокоился, старуха, подпершись рукою* ворчала, а сестра боялась приближаться к Власту, как будто что-то непонятное ее отталкивало от него.

Многие из живших в то время по реке Варте исповедывали христианскую веру; она незаметно проникла вместе с проповедниками во многие семьи; многие приняли крещение, веруя во Христа, но скрываясь, потому что все население, жившее в лесах, придерживалось еще язычества.

Подозрительно смотрели на тех, которые не соблюдали языческих праздников и не приносили требуемых жертв. Поэтому многие неофиты, хотя и носили скрытые на груди крестики, но, боясь преследований, ходили с язычниками в кумирни и исполняли требуемые обряды; очень часто они смешивали обе религии, забывая то ту, то другую.

Постоянного духовенства, которое могло бы наблюдать за новообращенными, тогда еще не было, и сюда приходили священники из Чехии, Моравии и из местностей по Лаббе; они тайно проповедовали христианство, но боялись поселиться здесь.

При дворе князя Мешка господствовало еще язычество, и вблизи княжеского замка находилось капище со статуями богов-покровителей. Все-таки туда проникали вести о новой вере.

Мешко с любопытством слушал рассказы о

могуществе князей и жупанов, принявших христианство, но или боялся своего народа, или, может быть, требования суровой жизни отталкивали его от христианства — словом, у него не было желания принять новую веру.

Новообращенных считали предателями и друзьями немцев, и народ не доверял им, сторонился их и старался истреблять их, как врагов. Поэтому открыто исповедовать христианство или даже говорить о нем было крайне опасно: христианство и владычество немцев сливались как бы в одно понятие. И, действительно, везде, где было введено христианство, исчезала языческая свобода, уступая место княжеской власти.

Прибывшее с запада духовенство также внушало народу необходимость повиновения высшей власти... Привыкшие к самоуправлению князья и жупаны не хотели считаться с новыми порядками; деревенские старшины и духовенство тоже не желали упустить власти из рук.

Словом, не так жалели старых богов, как старые обычаи...

От христианской веры отталкивали их преувеличенные слухи о требованиях необычно суровой жизни. Затем их страшило соблюдение постов, безусловное одноженство и больше всего — беспрекословное повиновение высшему духовенству.

Кроме того, старые верования вошли в их кровь и плоть, и отречься от них, казалось, было так же невозможно, как от собственной жизни. Принять новую веру значило побрататься с врагами, подпасть под их власть.

Славянство знало, что все немецкие князья и короли зависят от одного царя, а все их духовенство подвластно высшему лицу, жившему где-то далеко в столице, откуда посылались приказы во все страны света.

До славян, живших по Варте, доходили разные слухи, достоверные и вымышленные, которым темный люд одинаково верил.

Христиан отличали по некоторым признакам: знак креста и посты выдавали христианина.

В первый же вечер мать Любоня, старая Доброгнева, догадалась, что Власт обращен в христианство. Отсутствие оружия, бедная одежда, тихая речь, боязливость и смирение беспокоили отца и бабушку.

Любонь предпочитал не знать об этом и надеялся, что его сын вернется к старым обычаям; старуха сердилась на это, ее это раздражало, а вместе с тем она даже побаивалась своего внука, так как новая вера в ее представлении сливалась с колдовством.

Только одна Гожа, сестра Власта, смотрела на него с необыкновенным любопытством; она еще

никогда не видала такого тихою и смиренного юноши, до такой степени не похожего на тех, которые ее окружали. И она с чисто женской пронизательностью чувствовала, что это была не слабость, а скорее какая-то скрытая сила; она о чем-то догадывалась, и всякие рассказы о христианах возбуждали в ней искренний интерес.

Вся семья с нетерпением ждала того момента, когда Власт проснется и выйдет к ним.

Ярмеж, выбрав в гардеробной старого Любоня самую пышную и нарядную одежду, тоже поджидал его пробуждения, но Власт, утомленный дорогой и обессиленный последними впечатлениями, спал очень долго. Когда наконец Ярмеж вошел в сарайчик, он застал Власта молящимся на коленях, со сложенными руками.

Неизвестно, увидел ли Власт сотника, или же, погруженный в молитву, не обратил на него внимания, но только при входе Ярмежа он не тронулся с места до тех пор, пока не кончил молиться, и тогда, поцеловав землю, с проясненным лицом обернулся к нему.

Ярмеж, желая расположить к себе Власта, притворился, что не понял значения утреннего обряда. Он весело его приветствовал и, указав на мальчика, несшего ему одежду, заявил, что отец просит его нарядиться в приготовленное платье.

Ярмеж был умен и сообразителен, был

смелым и бесстрашным воином и добросердечным человеком; он любил тот образ жизни, который вел, и менять его ему не хотелось; он любил своего пана Любоня, как отца, и в глубине души таил надежду, что, быть может, Любонь отдаст за него Гожу, на которую он бросал горячие взгляды, и что тогда он заменит пропавшего сына. Поэтому он служил старику верой и правдой.

В эту ночь Ярмеж первый раз в жизни почувствовал какую-то горечь и тоску, все его надежды рухнули, вся его служба пошла прахом: сын вернулся.

И смотрел на него Ярмеж с какою-то завистью и укором и почти радовался, когда заметил, что юноша робок и понравиться отцу-воину не может. Итак чувства Ярмежа не были совсем искренни, но когда Власт обернулся к нему с протянутой рукой и улыбкой на устах, злоба Ярмежа растаяла, и он почувствовал не то жалость, не то симпатию к юноше.

— Ваш отец, а мой хозяин, панич Власт, — сказал он, указывая на мальчика, несшего одежду, — желает вас видеть в этом платье. Я выбрал для вас все, что было лучшего, и думаю, что вам этот наряд подойдет более, чем старая дорожная сермяга. А вот и меч, без которого не пристало быть сыну вельможи.

Говоря это, Ярмеж все время улыбался, а

Власт стоял, потупив взор в землю, грустный и чем-то смущенный.

— Я... так привык к моему старому платью, — произнес он наконец.

— Эх, нечего жалеть, — весело говорил Ярмеж. — Увидите, у нас другие обычаи, здоровая свобода, хорошая простая жизнь! Вот я вам приготовил коня, пращу и копье.

Власт со страхом посмотрел на него.

— Но, милый Ярмеж, я ведь не умею со всем этим обращаться! — сказал он дрожащим голосом.

— А что же вы там у немцев делали? Ведь не ходили же вы в юбках?! Надо все это позабыть. Я вас давно помню, я немногим старше вас; вы меня не помните, а я вас помню хорошо; вы еще ребенком брались за копье и за пращу, еле поднимая их. Как же вы все это позабыли?

Власт ничего не ответил, посмотрел на веселого сотника и грустно улыбнулся.

— Когда-нибудь поймете, — сказал он, подумав.

— А вы пока вспомните молодые годы! — воскликнул Ярмеж. — Старик приказал мне служить вам, и вы увидите, что я хорошо это исполню. Будем гарцевать по полям и лесам с собаками, копьями — душа будет радоваться! Ей-ей, может, и иная дичь попадетсЯ: белолицая девушка в веночке, с песенкой блуждающая по

лесу. А то без этого и жить не стоит.

Власт сжал руки, покраснел и посмотрел вокруг себя испуганными глазами. Перед ним лежала принесенная одежда, на которую он поглядывал с ужасом.

— Но разве я должен непременно сбросить старое платье? — спросил он.

— Старик велел, а он ослушания не терпит. Да и меч надо препоясать, — шепотом ответил Ярмеж.

Власт умолк, слегка призадумался и нехотя начал снимать старую одежду, и если бы на гумне не было так темно, Ярмеж мог бы увидеть слезы на глазах Власта. Он беспокойно поглядывал на маленький узелок, который он привез накануне с собою и который теперь лежал брошенный на постели.

— Мне бы хотелось спрятать этот узелок в надежном месте, — промолвил он.

— В надежном месте? — переспросил удивленный Ярмеж. — Я, право, не знаю, какие порядки у немцев, но здесь у нас все места надежные и никто ничего не прячет, все стоит открыто и никому чужое не надобно... Никогда я не слышал, чтобы вещи пропадали. Где вы их положите, там и будут лежать.

Власт что-то вспоминал.

— Да, правда, — сказал он, — люди у нас

честные.

— Это немцы все у себя на замок запирают, а у нас этого нет, — добавил Ярмеж, и, видя, что Власт не торопится, напомнил ему, что его ждут дома.

— Сегодня и завтра здесь еще будет тихо, а затем из соседних владений съедутся гости и даже явятся старшины из Познани, чтобы отпраздновать ваше возвращение домой.

Власт, слушая его, одевался между тем в приготовленное для него платье, сделанное из тонкого светлого сукна, изящно скроенного, которое ему было к лицу. Ярмеж сам ему препоясал меч. Юноша смотрел на свой наряд бледный и с отвращением.

Ярмеж, наоборот, был в восторге от костюма и находил его как раз подходящим для сына вельможи Любоня и, препоясывая Власта мечом, высказывал свое одобрение.

Когда наконец все было готово и можно было уже войти в дом, Власт опять засуетился возле своего узелка.

— Давайте, я его снесу Доброгневе в избу, — сказал Ярмеж.

— Нет, нет, я его сам снесу, — беспокойным тоном ответил Власт и, взяв свой узелок, вышел вместе с Ярмежем из сарая.

У дверей под колоннами стояла Гожа; увидев

приближающегося брата, несшего в руках какой-то узел, она весело улыбнулась, с любопытством заглядывая ему в глаза.

— Доброе утро, — приветствовала она его. — Как идет вам новое платье! А что же вы с собою несете?

— Дорожные вещи, хочу их положить в надежном месте, — ответил Власт.

— Так давайте же, я их снесу, — и девушка протянула руки.

На одно мгновение Власт поколебался, но тотчас же отдал ей узелок, с которым Гожа вошла в дом.

В глубине горницы сидел старик Любонь, но когда сын бросился перед ним на колени, лицо у старика прояснилось, и он с выражением благодарности посмотрел на Ярмежа.

Вскоре все домашние собрались в горнице.

Здесь старая Доброгнева наблюдала за девушками, готовившими обед.

Когда Власт, строго соблюдавший посты, взглянул на стол и увидел мясные блюда, он растерялся, но думать было некогда: старый Любонь уже приглашал сына занять место возле себя.

Итак, путь сквозь первое испытание лежал для молодого христианина в доме его отца, священники его подготовили к нему уже раньше; то или другое

решение предстояло выбрать ему самому. Подумав немного, он сел за стол и, чтобы не возбуждать подозрений, ел все, что предлагали.

— Надо известить соседей, — сказал старый Любонь, — что пропавший сын вернулся, а то обидятся. Пусть соберутся друзья на восьмой день после появления луны, чтобы принести жертву богам. Ярмеж знает, кого пригласить.

Сотник кивнул головою в знак согласия.

— Сегодня или завтра я сам с Властом поеду к князю, — прибавил Любонь.

Власт в разговор не вмешивался.

— Пусть юноша немного отдохнет и освежится, — заметил Ярмеж.

— Сведите его в баню, а когда выспится, то и бледность с лица сойдет.

Во время этого разговора, у дверей стояла старая Доброгнева и, скрестив руки на груди, смотрела на внука; ей, по-видимому, хотелось побеседовать с ним наедине. Гожа часто вбегала в комнату, заглядывая в глаза то отцу, то брату и, улыбаясь им, она, словно птичка, порхала и все время пела.

После обеда Ярмеж вместе со старым Любонем отправился на охоту, чтобы приготовить дичь к приему гостей; сыну Любонь позволил остаться дома.

Власт, пользуясь данной ему свободой, вышел

из комнаты, но тотчас услышал за собою шаги старухи, которая попросила его следовать за нею.

Она указала ему тот камень под навесом, у которого обыкновенно сидела со своей прялкой. Гоже она сделала знак, что та ей мешает, и молодая девушка ушла обратно в комнаты.

Взяв прялку, что стояла у стены, старуха медленным шагом направилась к излюбленному месту. Власт остановился около нее.

Приготовляя лен и веретено, старуха все время смотрела на внука, как будто соображая, с чего начать разговор. Вид был у нее недовольный и сердитый.

— Двенадцать лет, — проговорила она наконец, — двенадцать лет — это страшно долго. Я совсем состарилась, а из тебя немцы успели всю кровь выпить. Ох, не может быть, — вздохнула она, — чтобы ты не изменился: этого быть не может.

И она пристально посмотрела на него.

— Ты заразился их чарами и стал немцем. Кому неизвестно, что птица, родившаяся в клетке, не похожа на выросшую на воле. Так и с тобою стало. Да, да, не оправдывайся; я стара, много видела на своем веку и умею читать в глазах человека. Не дождавшись ответа от Власта, она продолжала:

— Но теперь все это надо тебе забыть,

Властек! Я тебя вынянчила, я учила тебя ходить и говорить, словом, ты наш, наша кровь; все остальное забудь!

Старуха на минуту задумалась.

— Будто мы не знаем, чему немцы учат! У них люди забывают о своих богах, но мы здесь этого не потерпим! Знаешь, Властек, там, на Поморье, приходил человек с новым богом, но его убили... И хорошо сделали, очень хорошо... Наша земля нашим богам принадлежит, а чужих нам не надо и никогда им здесь не господствовать. Немцы посылают вперед своего бога завоевать наши земли, а нас делают своими рабами! Да, мы это хорошо понимаем!

Старуха умолкла и начала вытягивать длинную нить, кивая все время головою, как будто ожидая возражения внука, но Власт не отвечал. Разные думы приходили ему в голову, но он не знал с чего начать.

Молчание внука не понравилось старухе и дало ей повод думать, что она не ошибается, подозревая внука в измене.

— Послушай, Власт, отец и радуется твоему возврату, и тоскует о том, что ты изменился. Ведь когда ты был мальчиком, ты не мог усидеть дома, все время был на лошади да с копьём, в избу тебя загнать нельзя было. Помнишь ли, как ты метко попадал на лету копьём в птицу, а теперь ты бы

сумел это проделать?

— Теперь я все это забыл, но поверьте, милая бабуся, я зато научился многому полезному, что и здесь пригодится: как пахать землю, как вести хозяйство, как строить каменные дома.

Старуха, услышав это, вышла из себя:

— Мы не пахари! Это дело мужика, — сказала она. — Сын жупана не занимается землепашеством: для этого имеются батраки и парубки — и хлеб будет. Ваше дело конь, копьё и праща.

Власт молчал, а старуха продолжала бормотать про себя, и, устремив на внука свой взор, опять начала пряхть.

Продолжать со старухою разговор Власту не хотелось. Юноша уже собирался уйти, но старуха снова заговорила:

— Убили того на Поморье — да, убили, — говорила старуха будто про себя. — Хорошо сделали: изменник хотел своих в рабство немцам отдать. Сердце копьем пробили, а голову камнем разбили. Тело волкам бросили. Хорошо сделали!

Все это говорилось для того, чтобы напугать внука, но, взглянув на него, она увидела, что юноша улыбается.

— Спасибо вам, милая бабуся, за предостережение, — ответил он, наконец, — знаю, что от чистого сердца вы все говорите, но я пришел сюда по доброй воле, уверенный, что меня здесь

ждет тяжелая жизнь... Тоска и любовь привела меня сюда... Еще раз спасибо!

Старуха погрозила пальцем.

— Мы оплакивали тебя, мы тебя любили, но знаю: хотя ты и наш, мы твоих нововведений не потерпим, нет! Такова я, таков твой отец и все здесь.

Сказав это, она, постучала своим веретеном в стену, как бы давая кому-то сигнал и, действительно, немедленно показалась в дверях дома Гожа. Увидев брата, она позвала его и отправилась с ним в сад.

Ей страшно хотелось поговорить с ним. Пользуясь случаем, она начала обо всем его расспрашивать. Власт смотрел на Гожу смущенный.

— Если б ты знал, Властенек, — проговорила она, — сколько мы здесь слез проливали, когда тебя немцы похитили. Бедный отец не мог забыть того, что он, будучи ранен, не сумел защитить тебя. И кто бы подумал, что ты к нам вернешься? Только мне одной это иногда казалось возможным. Рассказывай же, как тебе жилось среди немцев, мучили ли они тебя?... Я хотя вчера вечером и слушала твой рассказ, но как будто ты не все поведал отцу, а мне ты можешь все говорить.

Власт смотрел на сестру с улыбкою.

— Исподволь все расскажу, — начал он, — сразу трудно передать, милая сестрица. Первые

месяцы плохо жилось, остригли, как раба, и заставили исполнять тяжелую работу. Сначала меня заставили топить печи, спать на голом полу, у ног моего хозяина. Так продолжалось около года. Однажды распространился слух, что весною к нам приедет царь из чужих стран.

— А какой царь? — спросила Гожа.

— Это тот, кто властвует над всеми, он выше королей и князей, он раздает и отнимает у них земли. Никто не смеет ослушаться его, все должны ему служить. Пришлось и моему господину вместе со своими людьми ехать к нему на поклон; в числе других слуг и я сопровождал моего хозяина для того, чтобы носить за ним сокола, а иногда копье и щит. А так как меня считали мальчиком ловким и проворным, то меня вместе с лучшим из соколов подарили царю. Так-то я и попал на этот раз в рабство к царским слугам; и когда царь стал собираться обратно в свои южные земли, я должен был вместе с моим соколом следовать за ним.

Власт на минуту задумался и, вспомнив, что он говорит с сестрой, старался сократить свой рассказ. Гожа слушала его, опершись на руку.

— Так прошло несколько лет, пока царь не подарил меня другому господину, высшему духовному лицу, у которого я жил очень долго. Там я многому научился. А затем, — прибавил он, вставая со своего места, — мне даровали свободу,

все необходимое для дороги и позволение идти куда хочу, для безопасности же рекомендации к другим дворам. И вот я добрался с разными людьми, ехавшими в немецкие земли, до Лабы. Путешествие было длинное и томительное, но тоска по вас привела меня сюда.

Власт кончил; Гожа о чем-то задумалась.

— А где этот край, где ты так долго жил? — спросила она, как бы очнувшись от раздумья.

— В стране, где я жил, совсем нет зимы, там весь год цветут цветы, изредка только накрапывает дождик, и небо там необыкновенно красивое, а воздух мягкий и солнце яркое.

— А люди каковы? — спросила Гожа.

— Люди, — ответил Власт, — загорелые, черные, вспыльчивые, впрочем, умные и вместе с тем великодушные; города и дома у них дивные, такие, какие нам и во сне не снятся. Жил там когда-то древний народ. После него остались необыкновенных размеров стены разного рода древних построек, и для рек высечены водоемы в гранитных скалах.

Девушка недоверчиво посмотрела на брата, но Власт, не замечая этого, с пылающим лицом, со взором, устремленным куда-то вдаль, продолжал рассказывать Гоже про дивный край.

— И столько чудес в этой стране, что их всех не описать. В каменных и мраморных дворцах

лежат заколдованные сокровища: золото, серебро, разноцветные камни, а из драгоценного металла отлиты различные статуи, точно живые. Царский дворец там огромный и роскошный, воинов же столько, что они могли бы покорить весь мир. А какова роскошь их платьев, убранство коней! Но больше всего удивляла меня и наполняла благоговением мудрость их священников...

Власт вдруг остановился... Гожа посмотрела на него.

— Ах, каким серым теперь покажется тебе, — наконец, прошептала она, — наш бедный край, деревянные дома, кругом пустоши, какими грустными покажутся наши леса. Ты будешь тосковать и грустить о прошлом... А мне наша бедная страна и зимние бурные ночи дороже всего на свете, и я ни за что никуда не ушла бы отсюда.

— И я люблю мою родину и не буду тосковать ни по царским дворцам, ни по их роскоши... По одному только тосковать буду...

Гожа, улыбаясь, смотрела на брата, и ей казалось, что она поняла юношу, но сказать ему этого не посмела, только сердце у нее сильнее забилося.

Власт, догадываясь, в чем сестра подозревает его, смутился и покраснел.

— Гожа, — сказал он ей, — когда-нибудь расскажу тебе, о чем я тоскую; только знай, что не о

человеке и не о богатстве, а я грущу о том, что дороже жизни. Когда-нибудь узнаешь...

Власт умолк, и Гожа больше не проронила ни слова. Опершись на руку, молодая девушка задумалась... Может быть, воображение перенесло ее в края, где нет зимы, к другому, незнакомому ей миру и людям; а может быть, задумалась о том, что выше и дороже всех сокровищ и жизни, стараясь разгадать тайну брата.

Издали показался Ярмеж, он держал коня под уздцы и смотрел на Гожу и Власта с завистью и любопытством, желая угадать, о чем они между собою разговаривали. Вдруг, один конь заржал, и Власт от неожиданности вздрогнул.

Юноша посмотрел в сторону дома и увидел Ярмежа, делавшего ему знаки, что пора ехать на прогулку. Власт неохотно подошел к нему.

III

В назначенный день соседи с утра начали съезжаться в Красногору.

Все было приготовлено к их приему, и хотя дом был очень поместителен, все же в виду ожидаемого большого съезда пришлось часть гостей устроить под открытым небом. К счастью, погода была великолепная. Ярko светило солнце, и легкий ветерок поддувал с востока. В саду, позади

дома, поставили столы, покрытые узорчатыми полотенцами.

Особых претензий тогда не было, накрывали на стол в то время очень просто. Все сидели за одной трапезой и хлебали из общих мисок, причем всякий резал себе мясо от одного большого куска собственным ножом, висевшим у его пояса. На столах кругом расставлены были простые кубки. Вино, которое тут же цедили из бочонков, подавалось в обыкновенных кувшинах. Убранство панского стола отличалось только богатой посудой из дорогих металлов и обильем блюд.

Во дворе на очагах жарились целые туши баранов, козлов и всякая дичь.

Вся женская прислуга с утра была занята приготовлением обеда, а старая Доброгнева даже на этот раз не оставляла своей прялки и только время от времени посматривала, что делается у очагов, особенно тогда, когда до нее доносился слишком громкий хохот. Но старухе стоило подойти ближе, как все моментально стихало, как только она уходила, шум поднимался снова.

Любонь, одетый с утра в богатое, расшитое платье тонкого сукна, ходил вокруг дома и смотрел, все ли в порядке.

Такое же точно платье в знак его достоинства старый Любонь велел одеть и Власту, даже меч он подобрал сыну старый и приказал не отлучаться от

себя.

Ярмеж стоял во главе прислуги и батраков, он заботился о корме для лошадей и о свежем сене. Словом, как велит стародавнее гостеприимство, готовились не только к приему панов, но и слуг, и лошадей, и даже собак.

В то время, как Любонь разговаривал с несколькими близкими соседями, рассказывая им, как сын его жил у немцев в рабстве, во двор въехал, сильно запыхавшись, немолодой мужчина, довольно плотный и, соскочив с лошади, как юноша, подошел прямо к хозяину.

Увидев его, старый Любонь позвал конюха, но приезжий не отпуская от себя своего коня.

— Я сейчас обратно еду, — заявил он. — Счастливую весть привез вам, дорогой друг: милостивейший наш князь Мешко, услышав, что у вас празднуют возвращение сына, едет к вам. Чтобы посещение его не застало вас врасплох, я нарочно опередил нашего князя, дабы предупредить вас об этом.

Услыхав это, Любонь побледнел, приезд этот показался ему подозрительным.

— Большая это честь для меня, которой я никак не ожидал, — сказал Любонь, и, подозвав слугу, велел поднести вестнику меду.

Стогнев выпил залпом поданный ему напиток и, поболтав еще немного с хозяином и

присутствовавшими, отвесил общий поклон, и, вскочив опять на коня, поскакал обратно через леса и поля, чтобы снова присоединиться к свите князя.

После отъезда Стогнева, Любонь немедленно направился к излюбленному месту старой Доброгневы, где надеялся ее найти.

— Матушка! — обратился он к старушке. — Скверная штука вышла, хотя честь большая нас ожидает, но не к добру это... Князь Мешко к нам едет, будто на Власта посмотреть, однако я думаю, что ему приглянулась наша Гожа. Любить-то он меня любит, а только не постесняется похитить и увести мою дочь. Так вот, скажите, матушка, Гоже, пусть из комнат не выходит...

Отец поник головою. Доброгнева тотчас же встала и, взяв прялку с собой, пошла с ней к внучке.

По тогдашнему обычаю, более достойным гостям прислуживали жены и дочери хозяина, а прислуга стояла вдали. Поэтому и Гожа готовилась к приему гостей. Она стояла у себя в светелке над двумя раскрытыми сундуками, а вокруг нее лежали разбросанные девичьи наряды. Она только что кончила заплетать свои длинные косы и собиралась надевать на голову веноч, как в дверях появилась старая Доброгнева со своей неразлучной прялкой.

Когда старуха передала Гоже приказ отца не выходить к гостям, не скрывая вести о приезде князя, девушка удивленными глазами посмотрела

на бабушку и села в углу.

— Что же тебе жалко? Пойди на чердак, отодвинь драницу и все увидишь, а гостям-то на тебя смотреть нечего... отец этого не хочет.

— Сделаю, как велит отец, — ответила недовольным тоном Гожа, — но ведь никто не съел бы меня глазами!

Доброгнева с укором посмотрела на нее.

— Много знаешь, стрекоза ты этакая! — проворчала старуха. — Еще как глазами пожирают, а девушке шутить с князем опасно. Насмотрелся на тебя довольно, присылал к отцу сватов, но отец отказал: много жен у него. Ты у него одна, и хочет, чтобы и у себя дома ты одной хозяйкой была. Добра тебе хочет...

И, заметив, что Гожа сидит грустная, приблизилась к ней и, поцеловав в лоб, ушла обратно.

Между тем то и дело приезжали новые гости, и в доме, и во дворе становилось все шумнее и оживленнее. Это были друзья хозяина, родственники и соседи из самых отдаленных мест. Всякий хозяин вез с собою не менее десятка прислуги, так что во дворе, за сараями, где было приготовлено угощение для челяди, становилось все шумнее, веселее и гораздо искреннее, чем за панскими столами. Оттуда доносились взрывы хохота, как удары грома.

Солнце уже садилось, когда парубок, наблюдавший с крыши дома, прибежал сказать, что приближается кортеж князя. Узнав об этом, Любонь со своим сыном, родственниками и прочими гостями вышел за ворота встречать Мешка.

В это время князья имели большую власть, чем за сто лет до этого. Жестокие войны с немцами и другими разбойничьими шайками, заставляли князей держать гораздо большее количество воинов; теперь князь имел почти неограниченную власть, и о прежних вечах, радах и свободе никто почти не вспоминал. Правда, князь уважал старшин, по мере возможности старался не раздражать их, но все-таки поступал так, как сам считал нужным, не спрашивая ни у кого совета.

В общем, род Пястов был не из суровых; они не забывали о том, что происходили от бедных крестьян, но неповиновения у себя не терпели, зная, что это внесет разлад в страну. Князь Мешко своим поведением сумел не только заставить себя бояться, но и любить себя, хотя имел большую власть, чем Пепелки, которых свергали за их крутой нрав и притеснения народа.

Князь, подъезжая к Красногоре, замедлил шаг, и те, кто вышли его встречать, имели возможность видеть, как он, подбоченясь и весело улыбаясь, ехал впереди на серой лошади.

На нем был легкий плащ, вышитое платье,

пояс с золотыми украшениями и шляпа с белым пером. У пояса висел меч в золотых ножнах, украшенных драгоценными камнями, богатое седло было пурпурного цвета, равно как и узда. Всякий узнал бы в нем воина, так легко и уверенно он сидел на лошади, нисколько не обращая внимания и не беспокоясь о том, что конь рвался нетерпеливо вперед и становился на дыбы.

Мешко был видный и красивый мужчина в цвете лет, он носил темную бороду коротко подстриженной, длинные волнистые волосы падали ему на плечи, а в темно-синих лучистых глазах отражались сила, храбрость, доброта и радость жизни. Красные, несколько полные губы, на которых блуждала добрая улыбка, казалось, были созданы для того, чтобы вкушать все, что мир ему преподносит как своему господину. Во всей наружности князя было что-то неуловимое, вследствие чего легко можно было в нем узнать пана и владыку, привыкшего к повиновению, хотя доброго и милостивого.

Мешко все сердца располагал к себе, несмотря на то, что каждый знал, что в гневе князь был страшен. Взгляд Мешка был открытый, ясный, но по временам в глазах его мелькали какие-то огни, как молнии, подымавшиеся со дна души. Иногда по его лицу проходила какая-то страшная дрожь, но тотчас исчезала и сменялась добродушной улыбкой.

И любили его все подданные и дрожали перед ним, зная, что хотя князь ни на что не смотрит, а видит и знает все, что делается кругом. В мирное время князь часто навещал в качестве соседа кого-нибудь из землевладельцев, как теперь, например, Любоня, зато окружающие дрожали, когда князь собирался в поход, — это был уже иной человек.

У себя в замке Мешко развлекался со старшинами болтовней за кубком вина или шалил со своими женами, и тогда казалось, будто только для этого и создан он; но когда собирался в поход, тогда сибарит уступал место суровому воину, которому ни голод, ни холод нипочем...

В обществе приближенных князь держался добродушно и просто, казалось, у него нет тайн. Тем не менее Мешко был очень лукав, скрытен, а при случае мог перехитрить, кого угодно.

Умение хитрить особенно обнаруживалось в тактике с немцами. Никогда он не говорил того, что думал, и все, что предпринимал, являлось полной неожиданностью для окружающих. Даже старшины, прислушивавшиеся вечно к его словам, никогда не знали, что Мешко предпримет на следующий день после веселья, песен и шалостей, а он вдруг приказывал подавать своего коня и мчался со своим отрядом на границу своих владений.

Приходили к нему какие-то оборванцы,

похожие на нищих, но которые имели доступ к князю во всякое время дня и ночи; князь с ними запирался и о чем-то подолгу беседовал, но никто не знал о чем.

Поэтому, хотя Мешко и казался легкомысленным и пустым, его очень уважали за большой ум.

Таков был князь, который подъезжал теперь к дому; за ним ехали два близких родственника, Стогнев, управляющий замком, двое старых воевод и кучка приближенных молодых людей; все, по требованию Мешка, который любил роскошь и блеск, были одеты и вооружены богато и очень нарядно.

При виде хозяина и его гостей, стоявших с непокрытыми головами, лицо князя еще более прояснилось. Он придержал коня, и Любоня, который склонился к его коленам, мило приветствовал, хлопая его по плечу, а остальным, которые ему делали земные поклоны, кивнул головой. Мешко, легко соскочив с коня, отдал его поджидавшему слуге.

— Хотя вы меня не пригласили, — весело сказал князь, — на праздник, я сам к вам приехал, чтобы посмотреть на вашего сына, отче Любонь.

Услыхав это, старик призвал Власта, который низко поклонился князю, пристально смотревшему на него. Любонь между тем стал оправдываться:

— Сын мой из неволи немецкой вернулся бледный и хилый, хотелось дать ему немного оправиться, прежде чем ехать на поклон к вам, милостивейший князь.

Мешко похлопал по плечу Власта и направился к столам, куда вел хозяин на заранее приготовленное место, что-то вроде трона, покрытого красным сукном; такое же сукно было развешано на ветвях для того, чтобы защитить князя от жгучих лучей солнца и падающих листьев дерева, под которым находилось его сиденье.

Когда подходили к столам, все заметили, что князь кого-то ищет, он остановил взгляд на группе молодых женщин, одетых в белые платья, которые должны были прислуживать более почетным гостям. Как будто чем-то разочарованный, князь быстро опустил глаза. На лбу показалась и моментально исчезла морщина неудовольствия. Князь опять улыбался.

Когда князь занял свое место, перед ним немедленно поставили блюда и кувшины с медом, и сам хозяин с сыном ему прислуживали. Дружина разместилась на скамьях.

Князя не надо было приглашать к еде: охотно выпив кубок меда, он вымыл, по старому обычаю, руки и принялся есть. Перед ним поставлены были: хлеб, мясо, калачи и многие другие блюда. Всем известно было, что князь утолял голод скоро, но

любил за кубком поболтать и заставлял других рассказывать, кто что знал и слышал: умный и любознательный, он не брезговал и чужим умом, извлекая что-нибудь для себя из беседы других.

Под конец обеда князь вспомнил о Гоже и спросил старика:

— А где же ваша прекрасная дочь?

— Со вчерашнего дня не встает, от зноя, видно, заболела, — ответил Любонь.

Князь ничего не сказал и начал присматриваться к Власту. Узнав от старика, что сын его бывал при императорском дворе, князь еще внимательнее стал смотреть на юношу и задавать разные вопросы, на которые Власт отвечал смущенно.

Стогнев, узнав о прошлом Власта, предупредил старика, что князь, должно быть, возьмет юношу с собою, чтобы подробнее познакомиться с тем, что делается при немецких дворах.

Старику это не понравилось, хотя он и промолчал в ответ.

Тем временем веселье, сдерживаемое присутствием князя, все увеличивалось.

На громадных мисках и блюдах, на которых было жареное мясо, теперь уже остались одни кости и недоеденные куски, которые бросили целой стае собак, своих и взятых с собою гостями,

бегавших вокруг столов.

И к общему шуму и гаму прибавлялся и лай собак, грызущихся между собою из-за брошенных им костей.

В конце трапезы, совсем развеселившиеся гости начали шутить с девушками, прислуживавшими за столом, которые не знали, куда деваться, и смущенно опускали глаза.

И все веселее становилось под деревьями, и никому не пришло в голову посмотреть в сторону дома, а там всякий, наверное, увидел бы в щели на чердаке черные глаза, с любопытством присматривающиеся к общему веселью.

Перед Мешком поставили теперь лесные ягоды, молоко и старый мед, помнивший времена Пястов, и старшины обступили князя и, попивая мед, завели сразу пустой разговор о лошадях и охоте, вскоре беседа перешла на более серьезную тему.

Вдруг Мешко заметил мужчину, стоявшего несколько вдали от всех; сразу как будто не узнал его, что-то припоминал, затем, подозвав Стогнева, спросил:

— Не Доброслав ли Виотский это? Кажется, не ошибаюсь? Отчего его так долго не было видно? Уезжал или был болен?

Стогнев приблизился к князю и еле слышным голосом ответил:

— В Чехию ездил, там при дворе сватался к родственнице королевы Драгомиры... Говорят, невеста исповедует новую веру... А он, кто знает, может быть, ради нее тоже забыл старых богов...

Князь ничего не ответил Стогневу и сделал знак Доброславу приблизиться к нему.

Это был мужчина в возрасте князя Мешка, статный, крепкий, как дуб, с открытым и смелым лицом. О нем говорили как о храбром воине и человеке, любящем говорить всю правду.

Заметив приближение Доброслава к Мешку, все присутствующие притихли и испугались, как бы беседа не кончилась гневом князя. Доброслав на последний поход за Лабу не явился. Стогнев уже жалел, что сболтнул лишнее. Доброслав шел к князю, нисколько не смущаясь, низко поклонился ему, но тотчас поднял голову и, смело глядя в глаза князю, ожидал, о чем его спросят.

— Где это вы так долго были, Доброслав, и почему не явились на наш призыв? — спросил Мешко.

— Простите, милостивейший князь, я отсутствовал, поехал подыскивать себе жену... — искренно сознался Доброслав.

— Разве в родной стране их нет? — тоном легкого упрека спросил князь.

— Девушек у нас много, — сказал Доброслав. — Но к тем, которых я знаю, сердце не

лежит... У меня две жены были, дочери соседей, обе померли... Хотелось попробовать счастья в другой стране.

— И где же вы их искали? — уже без гнева спросил князь.

— В Чехию ездил и там при дворе короля Болеслава сосватал себе девушку.

Мешко помолчал, посмотрел на окружающих и, подумав немного, спросил:

— И что же вы там нового видели при дворе Болеслава? Много лучше, чем у нас? Они уже, верно, побратались с немцами и стали сами на них походить?

Доброслав, обдумывая ответ, поглаживал свою бороду.

— Немцев и немецких обычаев я там не видел, — наконец промолвил он, — а все-таки я многому научился у них, милостивейший князь; ведь чехи сблизились с немцами только потому, чтобы лучше узнать, как легче от них освободиться...

— А видели вы короля? — угрюмо спросил Мешко.

— Как же! И на охоту с ним ездил... и в замке я бывал много раз... Насмотрелся я всего, милостивейший князь.

— И к какому заключению вы пришли?

Доброслав опять задумался над ответом,

наклонил голову и устремил глаза в землю.

— Милостивейший князь, я думаю, что король Болеслав человек умный и хитрый, и власть у него большая... Лучше считать его своим другом, чем врагом... Так мне кажется, — ответил воин.

Князь молчал и, попивая из кубка мед, долго смотрел в упор на Доброслава.

— Я завтра поеду на охоту, — сказал он наконец, — и вы со мною поедете, Доброслав.

Доброслав склонил голову в знак послушания и удалился. Несколько минут спустя, князь обратился к старому Любоню:

— Пришлите ко мне вашего сына в замок, хочу его иметь при себе.

Старик зашатался, как от удара, и, невольно сложив руки, как к молитве, воскликнул:

— Ах, милостивейший князь! Он у меня единственный, и я его столько лет не видел!

И старик хотел броситься на колени перед князем, но тот, схватив его за руку и смеясь, ответил:

— Да я и не думаю его отнимать у вас, хочу только с ним побеседовать, расспросить, что он видел у немцев. Вот на что мне нужен ваш Власт... И вернется он к вам невредим, не бойтесь за него... Да и к чему он мне пригодился бы? Бледный и хилый... не быть ему воином, видно, неволя его истощила, — сказал Мешко.

Любонь стоял грустный.

— Хотелось раньше ему дать отдохнуть, откормить немного. Князь недовольно повел плечами и ничего не ответил: сделал знак Стогневу, который тотчас, поняв князя, распорядился, чтобы привели лошадей. Мешко собрался обратно ехать домой.

И окружающие заметили, что после разговора с Любонем и Доброславом с лица князя исчезла улыбка и на губах показалась нервная дрожь, признак гнева у князя.

Кто знает? Может быть, князь надеялся увидеть Гожу, а ее ему не показали...

И когда князь поднялся со своего места, все последовали его примеру и стали подходить к нему. Он шел, не обращая внимания ни на кого, прямо к воротам, где поджидала его свита. За ним следовали старик Любонь с сыном, Доброслав и все гости.

Подали лошадь, Любонь стал благодарить за оказанную ему честь и склонился к княжеским ногам; при этом лицо Мешка прояснилось.

— Пришлите мне вашего сына, не бойтесь за него: голодом морить не буду и худого от меня не увидит, — улыбаясь, сказал князь.

Любонь ничего не ответил, а князь, простившись с провожавшими его, опершись на плечо мальчика, вскочил на коня и уехал,

окруженный своими придворными, старавшимися не отставать от князя.

Оставшиеся гости провожали князя веселыми восклицаниями и подбрасывали вверх свои шапки.

Всадники давно уже исчезли в туче пыли, а они все еще смотрели им вслед. Любонь, молчавший все время, теперь свободнее вздохнул. С князем уехал и весь его двор, и ему казалось теперь, что, наконец, можно было по душам говорить с друзьями.

— Хотя в нем течет крестьянская кровь, а все-таки пан, наш князь, — первый прервал молчание Доброслав.

— И иначе быть не может, не сумел бы быть владыкой, не избрал бы его народ! И немцам страх и уважение он внушает.

Последние слова Любоня вызвали улыбку на лице Доброслава.

— К сожалению, немцы и не думают нас бояться. Дал бы Бог нам перестать угрожать им. Насмотрелся я на них в жизни.

Все ожидали дальнейших рассказов, но Доброслав вдруг замолчал и удалился.

В тот момент, когда Стогнев говорил с князем, Власт, случайно стоявший недалеко от них, узнал из их разговора, что Доброслав христианин. Сердце его от радости забилось, и юноша стал с любопытством присматриваться к воину.

Пользуясь тем, что Любонь был занят гостями, Власт незаметно подошел к Доброславу и шепнул:

— Хочу поговорить с вами... пойдете вместе...

IV

После отъезда князя гостям была предоставлена полная свобода, каждый делал, что ему вздумалось: кто присоединился к женщинам, весело болтая и шутя с ними, кто заглянул на кухню, а то возились и с собаками, осматривали лошадей и оценивали их.

Поэтому никто не обратил внимания на отлучку Доброслава и Власта. Сначала они шли молча. Доброслав, ни о чем не спрашивая, следовал за Властом, по-видимому, смущенный, не зная, как и с чего начать разговор.

Когда они отошли достаточно далеко, и голосов почти не было слышно, Власт поскорее расстегнул на груди рубашку и, вынув оттуда висевший на шнурке крестик, взволнованный и со слезами на глазах подал его своему спутнику.

Доброслав, удивленный, оглянулся и, не увидев никого вблизи, взял у Власта крестик и благоговейно приложился к нему... Так два брата во Христе узнали друг друга среди язычников.

Немедленно Власт спрятал этот символ веры и обнял Доброслава без слов.

Оба стояли испуганные, взволнованные, но счастливые, что узнали друг друга.

— Откуда ты узнал, что я христианин? — спросил Доброслав.

— Должно быть, это всем известно, так как Стогнев говорил об этом князю.

Доброслав грустно поник головою.

— Недаром он мне велел явиться к нему, не веселье ждет меня, — сказал он.

Власт подал ему руку.

— Думаешь, станет тебя преследовать? — спросил он.

— Князь не сделал бы этого, но боится народа, который остался верен своим богам. Вероятно, он хочет узнать что-нибудь о новой вере, ему известно, что чешская знать ее исповедует... что в конце концов и к нам проникнет эта вера, но пока это настанет, много крови будет еще пролито!..

Доброслав несколько раз повторил последнюю фразу.

— Расскажи мне что-нибудь о себе, — очнувшись, обратился Доброслав к Власту, — где тебя крестили?

— При императорском дворе... крестил меня епископ из Равенны, а после крещения меня

готовили в священники и сделали священником...

Когда юноша говорил об этом, смиренно опуская глаза, у Доброслава все лицо прояснилось, сложа, как к молитве, руки, он с восторгом посмотрел на Власта и счастливый, нагнулся к руке Власта и поцеловал ее, а Власт его благословил.

— Да, я священник! — продолжал рассказывать Власт. — И вернулся на родину, чтобы распространять христианство между своими... но мною овладевает чувство тревоги, подобное тому, как еспи кто падает и знает, что ему не за что удержаться... Вы приходите мне на помощь... Советуйте... Давно уже не приходилось мне служить... Все как будто догадываются и угрожают мне. И нет близкого человека, с которым можно поговорить по душам. Отец строгий, бабушка все сердится, заставляют меня вести не подобающий мне образ жизни... Как мне быть?

Доброслав долго думал.

— Отец мой, — сказал он, — я буду звать тебя отцом, хотя ты моложе. Я знаю, что наш народ редко прощал тех, которые приходили распространять христианскую веру... Так было и в Чехии, пока не начали строить костелы и пока не утвердилась вера, за которую пострадал Вацлав, а брат его убийца теперь на покаянии. Нас христиан здесь много... но мы держим это в тайне, дабы сохранить жизнь, мы молчим и страдаем.

— Разве много здесь христиан? — спросил Власт, складывая руки, как к молитве. — Разве нас здесь много?

— Но еще больше у нас здесь врагов, — прибавил Доброслав. — Будемте осторожны и терпеливы, будем надеяться на нашего Бога, который творит чудеса... так учили меня на Градчине, в Праге.

Они разговаривали бы еще долго, но явился Ярмеж, которого послал старый Любонь, обеспокоенный долгим отсутствием сына. Чтобы не возбуждать подозрений, Власт и Доброслав расстались, и каждый вернулся домой разными дорогами.

Ярмеж как-то странно посмотрел вслед Власту, которому не особенно симпатизировал, считая его помехой к счастью. Хотя он ему худого не желал, но смотрел с завистью, как на единственного сына, место которого еще так недавно он мечтал занять.

Ярмеж хотел ближе сойтись с Властом, но несмотря на сердечность и дружеские отношения Ярмеж чувствовал, что молодой Любонь что-то скрывал и что-то не договаривал; словом, какая-то преграда их разделяла и они не доверяли друг другу.

— Отчего это вы удалились с Виотком? — спросил Ярмеж.

— Хотел узнать кое-что о немцах, и, разговаривая, не заметили, как ушли в лес.

На этом разговор прекратился. Власт поспешил к отцу, так как гости стали разъезжаться и надо было провожать их.

Старик все время следил за сыном и беспокоился о нем. Ярмеж подливал масла, рассказывая о том, как Власт молится и совершает непонятные ему обряды; и старый Любонь, как и Доброгнева, догадываясь, что он скрыто исповедует христианство, хотели как можно скорее вернуть его к старой вере. И им обоим казалось, что самый верный путь к достижению этого будет прежде всего женитьба.

Как раз в этот день Любонь разговаривал со своим дальним родственником Сломкой, у которого была пятнадцатилетняя дочь Млада, славившаяся своей красотой на весь округ.

Старый Сломка боялся, как бы у него не отобрали дочку в Познань, в седьмые либо восьмые жены Мешку. Бабы-свахи шлялись по всему краю и высматривали девушек... А их красота считалась единственным приданым, какого требовал князь.

Вздохнул старый Любонь и признался, что и он тревожится за свою Гожу, как Сломка о своей Младе.

— За свою ты не бойся, — сказал он Сломке, кладя ему руку на плечо. — Отдай ее за моего сына.

Я пришлю сватов. Как наденут на нее чепец, никто ее пальцем не тронет, какая ни будь она раскрасавица. Отдай Младу за моего Власта!

— А почему бы и нет? Только бы он не брал уж других жен.

— Не в наших это привычках — только у князей, да у таких, у которых необузданные страсти, и у потерявших стыд... В нашем роду никто больше одной жены не имел, — ответил Любонь.

— И мы такие же, — сказал Сломка, — а где дома две или три жены, там ни порядка, ни покоя нет, ни стыда... Отдам вам Младу за вашего Власта.

И ударили по рукам.

— Но быть по старому обычаю — со сватами и обрядами... Только Власт раньше поговорит с Младой, потому что я против воли дочери не выдам и не буду ее неволить.

Любонь улыбнулся.

— Оба молоды, чего бы им не понравиться друг другу? Мы решать будем, не они.

И, пошептавшись еще немного, разошлись. Когда Власт вернулся, старик велел ему поклониться Сломке в ноги.

— Старый друг и родственник, простись, как с отцом, — пробормотал Любонь.

Власт исполнил приказание отца.

Гости вскоре один за другим стали

разъезжаться, сперва уехали те, которые были из более отдаленных местностей, затем близкие соседи, последние выехали уже ночью при луне.

Теперь и Гожа вышла из своего убежища подышать свежим воздухом.

Власт, утомленный, сидел на стороне. Прислуга убирала столы, поднимая разбросанные по земле кубки, пустые ведра и кувшины.

Издали доносились песни уезжавших.

После шумного дня наступил тихий и спокойный вечер.

Любонь о чем-то шептался со старой матерью, а Власт, которого наконец отпустили, побеседовав немного с сестрой, удалился на гумно помолиться.

Но здесь поджидал его Ярмеж. Последнего угнетало то, что он никак не мог сойтись с Властом и быть с ним искренним. Встретившись в дверях гумна, Ярмеж подавил в себе зависть, которую питал к товарищу детства и, взяв его за руку, сказал:

— Сядьте здесь, Власт, я хочу с вами поговорить искренно, как с братом.

— Хорошо, друг мой, говорите, я слушаю.

— Порази меня гром на этом месте, если я скажу неправду, — начал Ярмеж. — Я буду с вами откровенным... Вас здесь не было двенадцать лет... Старик тосковал до последнего момента. Некого было любить, и он полюбил меня... Я полюбил

Гожу. Казалось, что я заменю ему его сына, а теперь что будет, скажите?

Власт обнял его.

— Если Гожа любит тебя, а отец согласен, так разве я буду вам мешать! Поверь мне, брат мой, что я ничего и ни у кого не хочу и не желаю отнимать, а, наоборот, я охотно отрекусь от всего, что мне следует. Я даже не сумел бы всем этим владеть. К тому же я слаб и не воин...

Говоря это, он грустно опустил голову... Ярмежу стало жаль его, и он пожал руку Власта.

— Я ведь тоже не думаю отнимать у вас наследства и не только не мог бы этого сделать, но и не желал бы. Помогите мне только взять в жены Гожу, и будемте друзьями. Побратаемся и будем, как принято по старому обычаю, служить друг другу.

— Ах, друг мой, поверь и без клятвы, что я был тебе братом и буду.

— А я вам дам первое доказательство, что я искренно отношусь к вам... Вас бабушка, отец и окружающие подозревают в том, что вы христианин, — сказал Ярмеж.

— А если это так? — вздыхая, тихо спросил Власт.

— Ой, чур, чур меня и вас!.. Не рассказывайте этого, не сознавайтесь и не думайте об этом!.. Вы не знаете старой Доброгневы: она отравила бы вас,

хоть вы и внук ей. И отца не знаете, он проклял бы вас, как врага!

Говорил он это дрожащим голосом, но испугавшись, что услышат, продолжал уже шепотом:

— Молчите, Власт, и об этом никому ни полслова, этого быть не должно и не может... Любонь никогда этого не позволит... Но вас подозревают... может быть, я в этом и сам виноват... я, право, не знаю! Меня спрашивали, а я — каюсь в этом — рассказал, что вы совершаете по утрам и вечерам какие-то странные обряды... Может быть, я не должен был говорить об этом?

Власт молчал.

— А если вас научили у немцев ненужным вещам, то теперь, вернувшись домой, надо об этом забыть и вернуться к старым богам. Да вас и заставят... Сегодня я слышал, что старик уговаривался со Сломкой женить вас на Младе.

Власт закрыл глаза руками и простонал:

— Не говори мне об этом.

— Ничего это не поможет, — ответил Ярмеж. — Млада, прекрасная, как богиня цветов, видел я ее раз в лесу, с матерью гуляла... Стройная, красивая, веселая, с голубыми глазами, с золотистыми длинными косами... Она вас, а вы ее полюбите...

— Брат мой, — грустно проговорил Власт, —

все это вы говорите по своей доброте. И я вам скажу всю правду. Да, я христианин и никогда не отрекусь от моей веры, даже если бы пришлось умереть!

Наступило долгое молчание. Ярмеж смотрел на юношу с удивлением и только качал головою.

— А ведь придется вам повиноваться отцу.

— Да, но на небесах у меня Отец, которому я должен повиноваться с еще большим послушанием.

Это совсем уже было непонятно для Ярмежа, но спросить его он не посмел, пожал только руку Власта, исподволь приходившего в себя после волнения.

— Будь покоен, — обратился он к Ярмежу. — Бог о нас заботится и творит чудеса, и надо верить в Его силу. Если мой мирской отец велит мне забыть небесного Отца, тогда уйду отсюда... ты останешься здесь один и заменишь ему родного сына, и будешь ему утешением.

— Как? Ты все бы бросил? И отца, и сестру, и дом, и все богатства? Для...

— Да, — ответил Власт. — Не спрашивай, почему и для кого. Сегодня я тебе больше сказать не могу... но клянусь, все брошу, чтобы спасти гораздо больше!

Ярмеж стоял перед Властом, задумавшись, и не знал, наяву или во сне он все это слышит и видит, так как на лице Власта вместо грусти и

тревоги отражались какая-то радость и торжество.

Затем Власт подошел к Ярмежу и почти весело обнял его и, не скрываясь больше, стал на колени, чтобы помолиться.

И молитва Власта показалась молодому язычнику странным явлением, так как во время языческих обрядов он видел только исступление, но никогда не думал, что можно молиться так тихо и со слезами на глазах, как бы разговаривая с кем-то невидимым, с каким-то духом. Он понял, что это была как бы беседа с кем-то непонятым, неуловимым для обыкновенного смертного и что в этом слабом на вид юноше была какая-то великая сила, которая придавала ему столько удивительного мужества. Все, что ему рассказывал Власт и что он теперь видел, заставляло его задумываться и наполняло его сердце тревогой.

Ярмеж, задумавшись, смотрел на Власта и почувствовал, как какая-то дрожь пробежала по его телу.

У молящегося удивительно менялось лицо, глаза испускали лучи, и он делался в такие моменты прекрасным. И Ярмежу. даже показалось, что он видит какое-то сияние кругом головы юноши.

Тихонько, на цыпочках удалился Ярмеж с гумна и, остановившись на пороге, он стал наблюдать за Властом. Ему было и жаль его, и в то же время он со жгучим любопытством хотел узнать,

какая вера дает этому слабому юноше столько мужества, силы воли и столько презрения к земным благам.

Долго стоял он так, задумавшись и как бы онемевши, и только, когда Власт встал, Ярмеж очнулся и, укрывшись плащом, собрался на отдых; лег, но не сомкнул глаз до рассвета.

На следующий день Любонь, желая приучить сына к мужским забавам, велел Ярмежу поехать с ним на охоту, а сам остался после утомительного дня дома.

Вставши рано утром и помолившись Богу, Власт из повиновения отцу поехал с сотником на охоту. Взяв с собою собак и несколько человек, отправились через лес, надеясь найти в устроенных заранее ловушках зверя.

Власт ехал молча, погруженный в молитву. Ярмеж должен был смотреть за обоих, так как старый Любонь, сам прекрасный охотник, терпеть не мог, когда возвращались с пустыми руками.

Границы леса не были так строго обозначены, как позднее, и владетельный князь пользовался правом охотиться везде, где бы ему ни вздумалось. И когда приблизились уже к месту, где по их мнению должны были наткнуться на стадо коз, вдруг Ярмеж повернул обратно, делая знаки Власту и давая понять, что недалеко охотится князь Мешко. И они сделали уже поворот, чтобы ехать в

противоположную сторону, как вдруг Мешко вышел из лесу в сопровождении Доброслава. Казалось, разговор, который они вели, интересовал их более, чем охота. Свита князя осталась позади, а он сам внимательно слушал своего спутника. Вдруг князь поднял голову и, увидев Власта, подозвал его к себе.

Юноша сошел с лошади, снял шапку и подошел к князю, который держал в руке небольшое копьё.

Князь был одет очень просто: серый охотничий костюм и такая же шапка, но по его величественной осанке можно было тотчас узнать в нем владельца страны.

Доброслав тоже обладал прекрасной наружностью и настоящей военной выправкой, но значительно проигрывал осанкой в сравнении с князем, который умел одним взглядом покорять всех.

На вопрос князя, что он делает в этом лесу, Власт ответил, что, исполняя приказание отца, он приехал сюда поохотиться.

— Пусть идут ваши охотники, куда хотят, а вы сами, раз вы здесь, оставайтесь со мною.

Хотя и не с радостью, однако Власт исполнил приказание князя и, шепнув несколько слов Ярмежу, который немедленно удалился с людьми, вернулся к князю и, став позади Доброслава и не

зная, что ему делать дальше, стал ждать приказаний.

Князь, кажется, совсем не думал охотиться. Оставив всю свиту где-то далеко, он сам как бы прогуливался и развлекался разговором с Доброславом. Но, когда увидел Власта, задумался и, взяв висевший через плечо маленький рожок, дал сигнал свите.

Немедленно зашумели кусты, и с обеих сторон показалась большая толпа охотников. Князь подозвал к себе Стогнева.

Стояли как раз на маленькой лужайке, на которую падала тень деревьев. Мешко посмотрел вокруг себя; земля была сырая. Тогда он велел снять с лошади попону, и когда ее разостлали на траве, князь лег. Принесли корзины с жареным мясом и бочонок меду, который поставили около князя. Доброслав и Власт остановились невдалеке.

— Стогнев, — обращаясь к нему, сказал князь, — вы продолжайте охоту, а я отдохну. Доброслав и Власт останутся со мною. Приведете нам зверя, тем лучше, а если нет, то не беда.

И сделал знак удалиться.

Поняв желание князя, Стогнев стал давать распоряжения людям, стоявшим поодаль. И несколько минут спустя князь был уже один с двумя спутниками.

Посмотрев в ту сторону, куда удалилась свита,

Мешко сделал знак Власту приблизиться.

— Ты жил среди христиан? — спросил он. — Долго ты там был?

— Двенадцать лет, милостивейший князь, — ответил юноша.

— Значит, хорошо их знаешь? — продолжал князь.

— Кажется мне, что лучше, чем мой родной край, — ответил Власт.

Князь хотел еще о чем-то спросить. Власт с ужасом подумал, как ему поступить, если Мешко спросит его, исповедует ли он новую веру. Совесть не позволяла ему отречься от Христа, а сказать правду, значило обречь себя на страдания и мученическую смерть. Мысли эти молнией промчались через его мозг, и он решил сознаться во всем.

Но князь, у которого уже готов был сорваться роковой вопрос, вдруг умолк. Доброслав, глядя на Власта, страшно побледнел. Нельзя было никак угадать, как отнесется к ним Мешко. Князь был ревностным язычником и часто ходил в кумирню, которая стояла около замка, спрашивал совета у жрецов и исполнял все обряды. Но и то было известно, что князь с большим интересом слушал о христианах и христианской религии и после таких разговоров как-то странно задумывался. Князь был загадкой: он скоро делал и мало говорил, поэтому

никто не знал, что и когда он предпримет. Даже самые близкие ему люди не смели угадать его мыслей, а Стогнев искренно сознавался, что сколько раз он ни хотел проникнуть в мысли князя, то всегда ошибался. Мешко оставался для него загадкой.

Мешко помолчал немного и, не отрывая взгляда от Власта, спросил Доброслава:

— Скажи, как тебе кажется? Те, что на Градчине, сильнее и могущественнее нас? А Болеславы, те чешские, тоже богаты и опасны для нас?

И, не дождавшись ответа Доброслава, Мешко продолжал сам:

— Как у немцев один царь и одна столица, так и нам нужна одна голова и одна рука, иначе они нас уничтожат... Достаточно ли силен Болеслав, чтобы нас всех покорить себе и меня тоже? — уже совсем шепотом прибавил Мешко. — Говори правду, не лги. Довольно таких, что мне льстят.

Доброслав устремил взгляд в землю.

— Милостивейший пан, — медленно и подыскивая выражения, заговорил Доброслав, — не Бог весть, как много воинов у Болеслава, и умом он, кажется мне, тоже не превышает других. Но он знает одно, что для того, чтобы бить немцев, надо у них самих сначала учиться этому искусству; поэтому он их не избегает, а, наоборот, часто

общается с ними и кланяется им, для того, чтобы легче их потом покорить.

— И поэтому принял их веру? — спросил Мешко, пристально глядя в глаза Доброславу.

— Этого я не знаю, — ответил воин.

Разговор прекратился, Мешко ел и пил, улыбаясь.

— А если бы мы, я и Болек, начали воевать, кто был бы победителем? — начал прерванный разговор князь.

— Отгадать трудно, — ответил Доброслав, — но к чему начинать войну?

— Как знать, война может вспыхнуть и без всякой причины... А что там о нас думают?

Доброслав ответил не сразу.

— Знают, что вы сильны, милостивейший князь, но для них нехристиане не страшны.

— А давно они сами к ним пристали? — иронически спросил князь. — Драгомира, мать Болька, и он сам еще кланялись своим богам... Да разве Болько христианин? — прибавил Мешко. — И разве он не убил брата родного за то, что тот принял христианство?

— Об этом при дворе Болеслава говорить запрещено. Разные слухи ходят об этом, — сказал Доброслав. — Придворные Болька замучили Вацлава будто за то, что несчастный посягал на жизнь князя.

— А Людмилу за что убили? — с насмешкой спросил Мешко.

— Этого я хорошо не знаю, — ответил воин, — но мне хорошо известно, ибо я сам видел, что Болько часто бывает в храме, что на Градчине, и соблюдает все обряды.

Мешко вдруг обратился к Власту.

— А ты что думаешь? Ведь ты хорошо знаешь христиан; расскажи мне про них, про их веру — сурова ли она и тяжела ли?

Пойманный как бы врасплох, Власт в первый момент не знал, что и сказать, но, собравшись с духом и помолившись Богу, как бы вдохновленный, он ответил с жаром:

— Милостивейший князь, это вера, которая делает людей счастливыми — она для них сила, свет и путеводная звезда.

Услыхав это откровенное признание, Доброслав побледнел и смотрел на юношу с тревогой и уважением.

Князь не ожидал такого смелого ответа, он посмотрел на Власта испуганными глазами и стал что-то бормотать про себя.

— Говорят, что эта религия доставляет человеку страдания и приказывает ему от всего отречься, — сказал он. — Правда ли это?

Вдохновленный юноша, не считаясь более ни с чем и готовый даже заплатить жизнью, ответил:

— Милостивейший князь, когда человек хочет обуздать дикую лошадь или приручить сокола из гнезда, то он морит их голодом, не дает им отдыха и всячески ослабляет их. Так же надо поступить с диким, когда хотят из него сделать существо по образу Божию.

Мешко, сдвинув брови, повторял удивленным тоном:

— По образу Божию? Так ты это сказал?

— Этому учит новая вера, — произнес Власт.

Князь опустил голову и задумался. Казалось, что он забыл, где он находится и с кем разговаривает. Молчал, размышляя о чем-то. Власт стоял встревоженный и вместе с тем довольный собою.

— По образу Божию, — повторил князь еще раз, — значит, эта вера дает людям сверхчеловеческую силу?

— Именно так, милостивейший князь, — ответил Власт.

— И победу, и могущество, и господство? — спрашивал Мешко.

— Дает тем, кто их заслуживает.

— А чем это можно купить? — спросил Мешко.

Власт немного помолчал.

— Милостивейший князь, о вере, которая заключает в себе столько чудесного, нельзя

рассказать в нескольких словах. Она делает чудеса, но надо глубоко верить и выстрадать все это, — ответил Власт.

— А разве купить ее нельзя?

— Нет, — ответил Власт, — потому что золото и сокровища там презирают.

Мешко больше не спрашивал. Казалось даже, что он боится посмотреть в глаза юноши, и снова заговорил с Доброславом.

— Говорят, что ты сватался при дворе Большка? Это правда? Что же, думаешь поехать в Прагу?

— Неужели ваша милость запретит мне это? — сказал Доброслав.

— Не только не возбраняю, а, наоборот, я хочу вас там иметь своим человеком. Поезжайте в Прагу, но устраивайтесь так, чтобы никто об этом не знал.

И, обращаясь к Власту, сделал ему знак, чтобы и он об этом молчал.

— Не вздумайте рассказывать, что я вас туда послал на разведку, а так от себя спрашивайте, рады ли они были бы меня видеть? Не думают ли они, что полезно было бы Большку с Мешко подать друг другу руки и совместно пойти на врага? Говори это от себя — мне негоже проситься. Я могу только приказывать. Хорошенько разузнай, как они приняли бы меня, если бы я туда явился. Только действуй там умно, — прибавил князь, поясняя

свою мысль взглядом.

— Постараюсь хорошо исполнить ваше приказание, — ответил радостно Доброслав.

— А только никто об этом не должен знать, — еще раз напомнил князь.

Затем встал и, подбоченясь, стал прислушиваться.

Вблизи слышен был лай собак, и охотники уже приближались. Мешко, взяв копьё в руку, приказал присутствовавшим молчать.

Послышался храп зверя, и князь поскорее побежал навстречу. Разговор, который его так увлек, теперь был забыт, князь весь отдался охоте и не посмотрел даже на Доброслава и Власта, которые стояли, ожидая приказаний.

Все ближе и ближе слышен был лай собак и погоня за зверем. Мешко, страстный охотник, остановился в ожидании за толстым деревом.

Вдруг из-за кустов выскочил большой кабан с пеной на морде и, тяжело дыша, побежал прямо на князя, но в этот момент князь вонзил в него копьё; раненый зверь с яростью бросился на Доброслава и Власта, стоявших в стороне, но к ним подоспели княжьи охотники и прикончили зверя.

Лес наполнился радостным криком. Князь, глядя теперь уже совершенно равнодушно, приказал Стогневу подать себе лошадь, и охота этим кончилась.

Уже сидя на лошади, князь обратился к Доброславу, разрешая ему ехать домой, Власта же взял с собою. И весь охотничий поезд, собравшись в кучу, медленно и молча двинулся обратно в Познань.

V

Город, расположенный на правом берегу Варты над Цыбиной, не отличался на первый взгляд особенным великолепием, но был очень большой, раскинут на громадном пространстве и хорошо укреплен, хотя ему и нечего было бояться неприятельских нападений, благодаря тому, что он находился далеко от вражеских границ.

Крепостной вал, частокол и тын опоясывали его, а дома были исключительно деревянные и даже не видно было ни одного кирпичного столба. Земляная насыпь окружала княжеский двор и разные постройки: светлицы, хатки, конюшни, сараи и гумна; недалеко от реки особняком стояла кумирня бога Иесса, которую окружала священная роща, почти совершенно закрывавшая кумирню ветвями своих столетних деревьев.

Кумирня была похожа на все другие капища. Она опиралась на резные и разукрашенные столбы, между которыми вместо стен были развешаны суконные завесы. Внутри было загороженное

досками место для жрецов. Посередине стояли укрепленные на длинных палках статуи богов, которые здесь заменяли хоругви: здесь кудесники и гуляры, сторожившие кумирню, посредством воды, огня и земли предсказывали будущее.

Никто здесь не смел приказывать, кроме самого князя, который был одновременно владыкой замка и кумирни и под его властью находились все жрецы, волхвы, певцы и вся прислуга. Священная роща, окружавшая кумирню, составляла границу, которую никто не смел переступить.

Этот языческий храм был одновременно и военной, и княжеской сокровищницей. И днем, и ночью здесь стояла стража.

От священной рощи было одинаково близко и к городу, и к княжескому двору. Княжеский замок представлял собой большое здание, построенное на каменном фундаменте из бревен, покрытых тонкой резьбой и окрашенных в яркие краски. Кое-где в виде украшения чудовищная голова какого-нибудь зверя возвышалась на углах дома и на его фронте.

В передней части дома были устроены большие для важных заседаний залы, где вся утварь состояла из скамеек, столов и княжеского трона, покрытого красным сукном.

Наряду с простотой здесь замечалась необыкновенная роскошь, составлявшая с ней

странную противоположность. В горницах, где собирались по праздникам, стояла серебряная и даже золотая посуда, украшенная еле отшлифованными драгоценными камнями.

А в сокровищнице, где хранилась вся военная добыча, лежали сваленными в кучу золото, драгоценные камни, оружие всякого рода, отнятое отчасти во время войн с немцами, частью у разных народов востока и запада. Здесь можно было найти старинное и римское оружие, и восточное вооружение, принесенное из Азии: мастерски вышитые блестящей чешуей кафтаны, куски железной и медной брони, лук, из которого стреляли народы, жившие около Черного моря, нормандские топоры, секиры из стран вдоль Рейна, мечи из таких краев, о которых здесь ничего не знали, изделия севера и юга, итальянские и скифские и разных других стран, купленные и награбленные во время войн.

Свита у князя была очень большая. Так как она составляла часть его войска, то Мешко выбирал лучших воинов, которые все время должны были находиться при нем, остальная же часть войска была размещена в городах и селениях со своими начальниками-старшинами и жупанами, всегда готовыми следовать за князем.

Число этих легионов с каждым годом увеличивалось, но и боязнь нашествия немцев,

живущих по берегам Одры и Лабы, тоже усиливалась. На границе все время шли сражения с маркграфами, вторгавшимися внутрь страны.

Сербы, жившие по реке Лаббе, все слабее защищались против немцев, а многие народности, истощенные борьбою, перешли к неприятелю и вместе с ними предпринимали набеги на своих же; вскоре немцы со своими союзниками чехами начали угрожать Мешку и его стране.

Мешко понял, что пришло время стать на защиту родственных народов, или же подпасть под владычество немцев.

Устраивали собрания, на которых уже не говорилось о старой свободе, а о том, как бы себя защитить от немецкого ига, и никто теперь не восставал против княжеской власти.

Славяне между собою не ладили; то они шли к немцам с данью, то восставали против них и отчаянно защищались; одни переходили к немцам и принимали крещение, а другая часть их соединялась между собою для защиты. Все время у них были внутренние беспорядки. Каждое племя боролось в отдельности, как умело, вместо того чтобы соединиться против общего врага. Когда наконец чехи и моравы образовали одно государство и хитростью начали бороться с врагом, тогда Мешко собрал полян и другие разъединенные племена.

Очагом всех приготовлений к борьбе была Познань, и все младшие князья должны были исполнять приказания Мешка.

В самом городе и за крепостным валом, на гумнах и в хатах, и в дворах, расположенных на реке Варте, на правом берегу ее, жили княжеские солдаты-сотники и тысячники, в самом же замке жили те, которые знали какие-либо ремесла или исполнявшие должность охотников, затем сторожа, батраки и невольники.

Город был большой, но имел вид невзрачный, из-за потемневших старых деревянных домов. Население, которое насчитывалось здесь тысячами, вполне подчинялось князю. Сюда съезжались с востока и запада самые богатые купцы с товарами.

Военные старшины жили в лесах, дворах и маленьких городках по берегам рек и озер.

Свита князя была большая и пышная. Князь выбирал самую блестящую молодежь, которая жила при нем в замке.

В отдаленной и уединенной части дома находились покои его жен и женской прислуги.

Образ жизни в замке был не как обыкновенно принято при дворах, а скорее на военный лад, так как все должно было быть готово на случай тревоги.

Иногда делали набеги на Поморье, куда их звал какой-нибудь маленький князь, обещая вести

туда, где побольше можно наgrabить, а иногда нападали на немцев, пользуясь их случайной беспечностью. В этих набегах принимал участие почти весь город.

Набеги делались очень часто и отчасти из-за добычи, но главным образом для того, чтобы держать врага в страхе. Возвращались они то с радостью, с песнями, большой добычей и взятыми в плен невольниками, а то бывало и так, что подобные набеги кончались очень плачевно для них самих, и тогда они старались вернуться в город ночью.

Но в правление князя Мешка поляне почти всегда бывали победителями, так как князь был не только храбрым, но и умным правителем, он не торопился предпринимать походы, прежде чем не взвесит всех обстоятельств.

После охоты Власт со свитой приехал в княжеский замок. Здесь со всех сторон сбежалась толпа придворных слуг, делая догадки, кто он и зачем сюда приехал.

Власт не походил на воина и тем более на знатного вельможу, так как он был одет бедно и смотрел на людей с боязнью.

Стогнев, заметив любопытство товарищей, сказал им, что гость — сын Любоня, вельможи из Красногоры, что он недавно вернулся из немецкого плена и своим знанием немецкого двора и обычаев

мог быть полезным князю.

Власт между тем не знал, что с собою делать, так как князь, отправившись на половину своих жен, оставил его на попечение Стогнева, а тот в свою очередь должен был куда-то уйти... Власт наконец сел на скамью под столбами и задумался.

Все разошлись, только несколько собак остались с ним, как бы не доверяя незнакомцу и посматривая все время на него, ворчали. Вдруг со стороны земляного вала стал приближаться к юноше какой-то человек и, остановившись перед Властом, бгзцеремонно стал всматриваться в него.

Власт в свою очередь смотрел на него с любопытством, так как подошедший к нему человек был какой-то странный, и никак нельзя было отгадать, что он имел общего с княжескими людьми.

Наружность его была отталкивающая: при коренастом росте, коротких кривых ногах поверх корпуса торчала громадная голова, покрытая курчавыми волосами. Вместо зубов виднелись желтые клыки, и на всем его лице застыла какая-то страшная гримаса. Большие руки, крепкие, толстые, с длинными острыми ногтями пальцы, короткая жилистая шея, узкий лоб и маленькие блестящие глазки, как у кота, дополняли безобразие его фигуры. Одет он был в старую сермягу и холщовые порты, на ногах у него были рваные сапоги.

Казалось, что он исполнял в замке роль ручного волка или медведя.

Когда собаки, лежавшие возле Власта, завидели его, то вскочили со своих мест и, поджав хвосты, отошли от него подальше.

Этот дикарь, так как он производил именно такое впечатление, подошел вплотную к Власту и начал нахально осматривать его со всех сторон.

— Ты кто такой? — проворчал он наконец. — Ты чей будешь?...

Власт медленно и спокойно спросил его в свою очередь:

— А ты кто?

— Я?... Разве не видишь, что я смотрю за собаками, за навозом, за виселицей... Зовут меня Псяюхой... А ты?

— Не все ли тебе равно, кто я?... Оставь меня в покое, — ответил Власт. — Какое тебе до меня дело?

— Э, кто знает? Ты откуда?

— Из Красногоры, — ответил Власт.

— Слышал про такое место, — сказал Псяюха. — Ты, значит, слуга Любоня?

— Не слуга, а его сын, — поправил Власт.

— Ого-го! — захохотал урод и, насмешливо поклонившись, прибавил: — Жаль только, что у Любоня нет сына.

— Не было, а теперь есть, — ответил кротко

юноша.

Власт надеялся, что Псяюха, удовлетворив свое любопытство, отойдет от него прочь, но Псяюха не уходил и еще пристальнее стал смотреть на него.

— Чахлый какой, — опять начал про себя ворчать Псяюха, — бледный, несчастный... На что он здесь пригодится? Куры заклюют его... а хлеб-то будет жрать наравне с другими.

Власт посмотрел на него, но холоп не трогался с места.

— И какая польза от него?... На что его сюда привели?... Мне в помощники, что ли? Да я его не приму... Эй, — проговорил он, громко хохоча, — милостивейший вельможа... зачем это вы сюда пожаловали?

— С князем приехал сюда, — ответил Власт.

Услыхав это, мужик ушел, но спустя некоторое время опять вернулся и, по-прежнему, уставившись на Власта, стал смотреть на него в упор.

— Это ты был двенадцать лет в немецкой неволе? — вдруг спросил он. — И, верно, исповедуешь новую веру, — прибавил он. — С твоей новой верою тебя здесь повесят!

Власт слушал молча.

Псяюха, сделав страшную гримасу, начал грозить ему кулаками и, скрежеща зубами,

повторял:

— На виселицу пойдешь, на виселицу!

Между тем Стогнев, увидев эту сцену, выслал мальчика с кнутом, который, подойдя сзади, крепко хлестнул Псяюху по ногам. Тот взвизгнул, обернувшись, хотел было ударить мальчика кулаком, но, заметив в окне Стогнева, убежал.

Собаки бросились за ним с лаем.

Власт остался, наконец, один.

Когда начало смеркаться, Стогнев позвал его ужинать. В избе уже собралось несколько старшин. Все сели за стол, Власт занял самое скромное место и сидел молча.

Присутствовавшие смотрели на него с жалостью и с нескрываемым пренебрежением.

В те времена ценили в мужчине прежде всего физическую силу, а так как Власт был слаб и бледен, то он не внушал к себе уважения, хотя всем было известно, что был сын знатного вельможи.

Стогнев и его товарищи, Рослав, младший подчашник, и Мислав, сотник, смотрели на Власта с отвращением, так как знали, что он долго жил у немцев, и считали его почти своим врагом. И им казалось странным, что князь держал его при дворе.

Первым прервал молчание Стогнев, спросив юношу, как ему нравится на родине после немецкой неволи.

— Кроме дома моего отца, я еще ничего не

видел, — ответил Власт.

— И, должно быть, скучно вам здесь в деревянных хижинах после роскошных немецких домов? — с иронией заметил один из присутствовавших. — Этим лентяям необходимы их теплые берлоги! Мы другое дело; сегодня здесь, а завтра там... Нам и деревянных хат довольно...

— Да, — ответил Власт, не смущаясь, — у них города красивые и везде виден порядок и богатство. Но хотя они и любят удобства, это им не мешает быть воинами...

— Лучше, чем мы? — спросил сердито Мислав.

— Право, не знаю, я сам не воин, — ответил Власт.

— А вы сами чему там научились? — спросил его Стогнев.

— Будучи в неволе, я научился многому, — сказал Власт, — делал все, что было приказано.

— Как же вы на свободу выбрались?

— Мне ее возвратили сами хозяева, видя, что я им больше не нужен, а я воспользовался свободой, чтобы вернуться домой, — ответил юноша.

— А дома-то, — спросил Стогнев, — у такого воина, как Любонь, что вы думаете делать?

— То, что прикажет отец, — слышался ответ.

Спокойствие и смирение, с каким Власт отвечал на задаваемые ему вопросы, производили странное впечатление на присутствующих.

Рослав и Мислав, видя покорность Власта, стали дерзко насмеяться над ним. Стогневу это стало неприятно.

Двусмысленные шутки сыпались на Власта, который смущался и краснел, но терпеливо выслушивал и молчал.

Поужинав, Власт собирался встать и уйти, как вдруг в комнату вошел княжеский слуга и попросил его следовать за ним.

Приглашение князя произвело, по-видимому, большое впечатление на дерзких солдат, а Власт, быстро встав из-за стола и поклонившись всем, ушел в замок.

Мешко еще находился на половине своих жен, где в данный момент отдыхал.

Пройдя первый двор, где Власта встретил визг и лай собак, он вместе со слугой прошел через ворота, возле которых стояла стража, во второй двор, посередине которого был устроен садик.

Как только Власт переступил порог, он увидел головки высунувшихся в окно молодых женщин, покрытые белыми платками, с любопытством присматривавшихся к незнакомцу. Сюда доносился их визг и смех; несколько нарядно одетых девушек выбежали во двор, чтобы лучше рассмотреть

юношу.

Слуга поспешил указать Власту дорогу под столбами, окружавшими эту часть дома. Пройдя сени, они вышли в большую избу, где находились комнатные служители и стража. Изба разделялась на две части, одна из них была закопченная, с огромным очагом, теперь угасшим. Кругом все было тихо и спокойно.

Они прошли еще одну маленькую комнату, на стенах которой было развешано много всякого рода оружия: луков, топоров, пращей и копий. И затем слуга приоткрыл двери в комнату Мешка...

Князь, вытянувшись во весь рост, лежал на медвежьей шкуре, подложив руки под голову. Увидев Власта, он сделал знак, чтоб тот подошел ближе.

Слуга ушел, закрыв за собою дверь.

Молчание продолжалось несколько минут. Мешко вздохнул, медленно стал приподниматься и, сев на своем ложе, сказал:

— Ты знаком с новой верой немцев? Расскажи что-нибудь... Ведь Христом зовут их Бога?

— Да, милостивейший князь, — медленно ответил Власт, которого обрадовал вопрос князя. — Да, Христос был Богом на земле и вознесся на небеса. Сошел Он с небес для того, чтобы сеять правду и искупить своей кровью грехи людей.

— Да, знаю, был убит... замучен... — сказал

Мешко.

— И воскрес, — прибавил Власт.

Князь, услышав это, посмотрел на Власта с недоверием и страхом.

— И творил чудеса? — спросил он тихо.

— Творит их Он и теперь, — прибавил Власт.

Мешко, как будто пугаясь собственного голоса, спросил его почти шепотом:

— А ты христианин?

У Власта забилось сердце.

Хотя в интонации голоса князя не было ничего грозного, Власт все-таки не был уверен, как примут его признание, и не подпишет ли он этим себе приговор. В этот момент он вспомнил отречение от Христа апостола Петра... но тотчас отбросил от себя это искушение и с мужеством ответил:

— Да, милостивейший князь, я христианин! И если бы мне пришлось страдать за это и поплатиться жизнью, я не отрекись от моего Бога.

Изумленный князь долго смотрел на вдохновенного юношу.

— И не боишься смерти?... — спросил он.

— Нет... там ждет меня вечная жизнь и счастье.

— Вечная жизнь!.. — проворчал князь, вставая. — А ты в этом уверен?

— Бог нам это обещал, милостивейший князь.

Со странным выражением на лице не то насмешки, не то страха, князь бросился на ложе и задумался. Жуткое молчание длилось довольно долго.

— А ты чудеса творить умеешь? — спросил, наконец, Мешко.

— Нет, мой князь, их не творит никакой человек, а только один Бог.

Мешко как будто не понимал.

— Есть ведь христиане, творящие чудеса? — промолвил он.

— Да, князь, есть святые люди, через посредство которых Бог творит чудеса.

Мешко опять задумался и, казалось, совсем позабыл о присутствии молодого христианина.

Власт с бьющимся сердцем всматривался в лицо князя, желая узнать, прощает ли он его или велит казнить. Но князь просто думал о рассказанном.

Вдруг он начал спрашивать Власта о немецком цесаре.

— А что немецкий цесарь силен? — спросил Мешко.

— Не знаю, есть ли какой сильнее, чем немецкий цесарь... Даже и тот, что живет в столице на берегу моря. Владения его простираются до страны, где совсем нет зимы, а с другой стороны, до края вечных снегов. Господствует он над королями